Кадетская
ПЕРЕКЛИЧКА

№ 15
1976

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов, Нью-Йорк, США

№ 15 Нью-Йорк 1976

Художественная обработка А. Н. Родзевич

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine (3-4 issues yearly)
Published by Association of Russian Cadets graduated outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price $10.00 USA for one year
$ 3.50 USA per single copy

Managing Editor
Paul Olferiev
4187 Frame Place.
Flushing, N. Y. 11355 U.S.A.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА

Движимая любовью к своему Гнезду, желая сохранить как можно больше для будущих историков, группа гардемарин — кадет Морского Корпуса за Рубежом, согласилась создать скромный сборник воспоминаний о своей «Алма Матер».

Было решено статьи не подписывать, а создать общий труд, в который будет включено все, что удалось собрать. Большую работу проделал инициатор в деле координации собранных статей и составления настоящего сборника.

«Кадетская Перекличка» с радостью посвящает настоящий номер «Морскому Корпусу за Рубежом». Этим до некоторой степени восполняется пробел в зарубежной военной литературе. Очерки, статьи и воспоминания об этом периоде истории разбросаны в периодических изданиях, ставших давно библиографической редкостью, Читатели журнала, и интересующиеся темой, найдут много интересного в предлагаемом сборнике.

Спасибо участникам и инициатору!

Не упущу случая напомнить всем зарубежным кадетам, что много еще есть интересного и важного о чем бы следовало вспомнить и написать. Фотографический материал тоже важен.

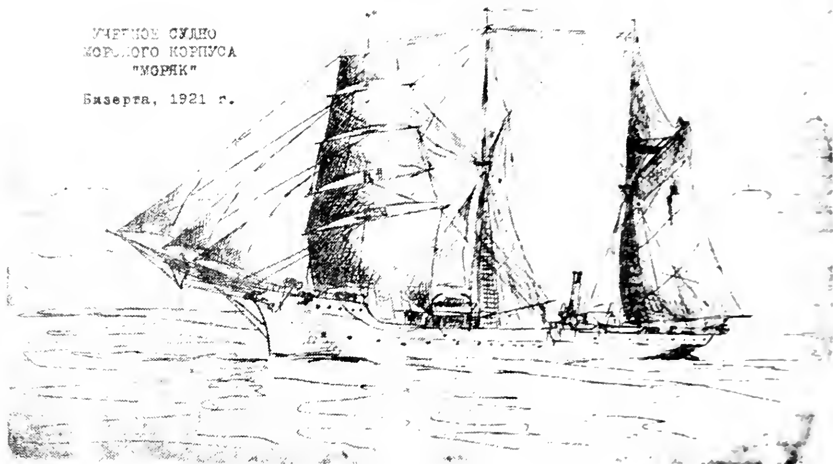
Время работает против нас!

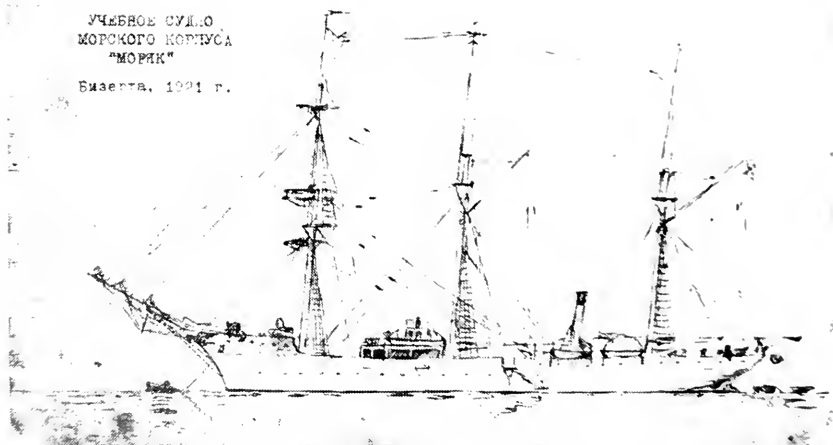
Откликнитесь, подобно Морякам, пока у нас еще есть, хоть и скромный, печатный орган.

Павел Олферьев.

Строевое учение кадетской роты

Учебное судно Морского Корпуса "Моряк"

МОРСКОЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА КАДЕТСКИЙ КОРПУС.

ОСНОВАНИЕ: — 1701 ГОДА.
ПРАЗДНИК: — 6-го НОЯБРЯ СВ. ПАВЕЛ ИСПОВЕДНИК.

Основана Царем Петром I в 1701 г. 14 января в Москве в Сухаревой башне «Школа математических и навигационных наук», для подготовки молодых людей к морской службе.

1-го октября 1715 г. Школа была переведена из Москвы в Санкт-Петербург, и помещена на берегу Невы в доме Кикина, где находился впоследствии Зимний Дворец и названа АКАДЕМИЕЙ МОРСКОЙ ГВАРДИИ.

В 1752 г. Императрица Елизавета Петровна переименовала Академию в Морской Шляхетский корпус с тремя классами: старшим — гардемаринским и двумя кадетскими.

В 1802 г. Император Александр I Морской Шляхетский корпус переформировал и назвал Морским Корпусом.

В 1848 г. Император Николай I даровал корпусу Первого шефа Вел. Кн. генерала-адмирала Константина Николаевича и в числе кадет был поставлен в строй Вел. Кн. Александр Александрович.

В1867 г. Император Александр II переименовал Морской Корпус в Морское Училище.

В 1891 г. Император Александр III переименовал снова в Морской Кадетский Корпус.

В 1906 г. Император Николай II дал Корпусу наименование Морского Корпуса. Вслед затем решено было младшие кадетские классы перевезти из Петербурга в Севастополь, где и приказано было выстроить на берегу Черного моря надлежащее здание.

В 1914 г. Морскому корпусу был пожалован шеф, Наследник Цесаревич Алексей Николаевич.

В 1916 г. Морской Корпус был снова переименован в Морское Е.И.В. Наследника Цесаревича Училище.

В 1917 г. после коммунистического переворота 25 октября, Морское Училище прекратило свое существование.

В 1917 г. из гардемаринов и кадет Морского Училища и гардемаринов Гардемаринских классов, находившихся в плавании, основано Владивостокское Морское Училище, просуществовавшее до 1920 года.

В 1919 году на юге России, занятом Добровольческой Армией, из гардемаринов и кадет Морского Училища был сформирован по приказу ген. Деникина Севастопольский Кадетский Корпус, просуществовавший до 1920 года.

В 1920 г. Владивостокское Морское Училище и Севастопольский Морской Корпус слились в Бизертский Морской Корпус, просуществовавший до 1925 года.

ФОРМА: — морская, белые погоны с золотым прикладом.

У кадет на белых погонах трафаретный вензель шефа; у гардемаринов вдоль погонов юнкерские золотые нашивки и накладной золотой якорь. Черные брюки и черные мундиры с золотыми галунами на откладных воротниках и на обшлагах рукавов.

У гардемарин на черных кожаных поясах, черные морские палаши с коженными темляками. У кадет и гардемаринов черная морская безкозырка с тремя белыми кантами, кокардою на тулее и черной лентой с золотой надписью училища. Черные шинели с белыми погонами и черными петлицами. Зимою синяя галанка с узкими белыми погонами. Летом, белые морские рубашки с синими воротниками.

У фельдфебеля офицерская морская черная фуражка с тремя белыми кантами и офицерский палаш.

ОТЛИЧИЕ: — Гвардейское обыкновенное знамя.

Серебренный нагрудный знак для ношения на левой стороне.

СТОЯНКА: — Петроград, Васильевский Остров.

ОСНОВАТЕЛЬ МОРСКОГО КОРПУСА: Имп. Петр Великий
Главный Сотрудник Петра Великого по созданию и руководству Русского флота: — ген.-адмирал гр. Апраксин.
Питомцы Морского Корпуса:

АДМИРАЛ СПИРИДОНОВ, — видный участник Хиосского сражения.

Гр. ОРЛОВ ЧЕСМЕНСКИЙ, — победитель у Чесмы и Хиосса.
Адмирал Ушаков, Синявин, гр. Гейден.
Адмирал Лазарев, — исследователь Южного ледовитого океана и создатель Лазаревской школы, давшей знаменитых адмиралов-победителей:

НАХИМОВА, КОРНИЛОВА, ИСТОМИНА, НОВОСИЛЬСКОГО, БУТАКОВА, ЛИХАЧЕВА, и др. видных адмиралов русского флота.

Вице-адмирал З. П. Рожественский; адмирал ЭССЕН, — герой Порт Артура, адмирал КОЛЧАК.

Августейший Дед Ее Высочества Княжны Веры Константиновны, ЕИВ Вел. Кн. КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ, — ген.-лейт. адмирал и создатель русского парового броненосного флота, занявшего третье место в мире.

Контр-адмирал Кн. В. В. Трубецкой, — начальник Черноморской минной бригады. Капитан 1-го ранга В. Н. Русин, — начальник морского генер. Штаба, ближайший сотрудник Имп. Николая II по руководству действиями флотов во время 1-ой Мировой войны.

Контр-адмирал Р. Н. Вирен, последний командующий Тихоокеанской эскадрой.

Контр-адмирал Н. Н. Машуков, — начальник Черноморского флота, — и много других морских деятелей и героев Российского Имп. Флота.

Сообщил *А. Политанский.*

ЭВАКУАЦИЯ МОРСКОГО КОРПУСА ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ

Был конец октября 1920 г., иначе говоря наступал второй год существования Морского Корпуса в Севастополе. Гардемаринская рота из третьей сделалась второй, а кадетская наша шестой. Учебный год начинался так поздно из-за достраивания большого здания корпуса, начатого еще в мирное время.

Здание это было уже почти совсем закончено и воспитанники были заняты переноской в него имущества из, временно занятых ими в первый учебный год, офицерских флигелей. Устройство в новых удобных помещениях было для нас большой радостью и мы старались как могли не покладая рук, с особенным усердием обставить себя и особенно стены спален и классов насколько приятнее для глаза.

Время было тревожное у нас в Крыму, вести с перикопского фронта приходили все менее и менее утешительные и в городе опасались внутреннего восстания лево настроенных элементов населения. Гардемарины и кадеты должны были нести караульную службу, как на территории корпуса, охраняя его от ожидаемых нападений вдоль берега и ограждающей ее стены, так и в Севастополе, патрулируя на улицах и заменив в Морском Собрании обычный караул флотского полуэкипажа, считавшийся ненадежным. Состав нашего корпуса считался в штабе флота как самая надежная воинская часть города, часть к которой питалось самое большое доверие. 28-го октября в 4 часа утра был отдан приказ по фронту об эвакуации Крыма и всем стало ясно о совершившемся факте прорыва нашего фронта красными и неминуемом захвате всего полуострова, так героически сопротивлявшегося долгие месяцы против них. Печальная весть об эвакуации сразу стала известна в корпусе и его директор, Контр-Адмирал Ворожейкин назначил инспектора классов кап. 1 ранга Александрова начальником эвакуации кропуса, т. е. ее организатором. Выбор адмирала был удачен, ибо результаты, возложенного на кап. Александрова дела, оказались выполнены как нельзя лучше.

В эти тревожные дни, многие из воспитанников еще находились в летнем отпуску и при известии об эвакуации их не-

обходимо было собрать в корпус. Для этого из нас кадет были назначены посыльные, которых отправили в Севастополь на нашем «трамвае», как прозвали мы вместительный катер с тентом, служивший для перевозки членов корпуса в город и обратно. (До Графской Пристани было около 3-х километров). Нам нужно было, как и в самом городе, так и в его предместии «Корабельная сторона», по народному наречью просто «Корабелка», находящаяся по другую сторону Южной Бухты, вместе с портовыми учреждениями и Морским Госпиталем, обойти все дома с живущими в них кадетами и показать им приказ о немедленной явке в корпус. Помню, что пока шли эти сборы в путь дорогу, прощание с близкими и пока «трамвай» нас доставил, после долгих рейсов, заходя по разным делам в разные пункты Северного Рейда и наконец на корпусную пристань, давно уже стемнело.

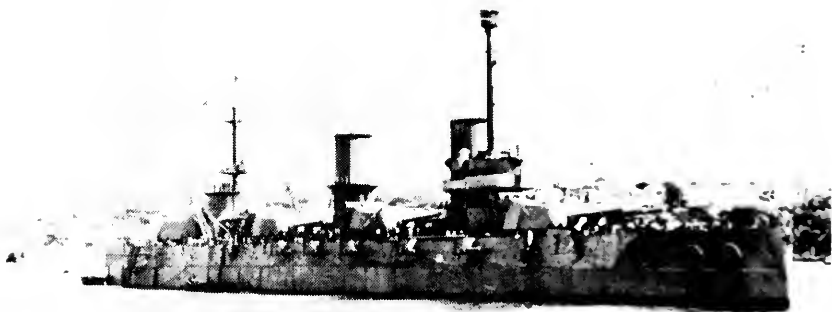
Весть об эвакуации быстро пролетела по всему Крыму и находившиеся в разных его краях воспитанники Корпуса поспешили в него вернуться, всеми возможными способами передвижения и часто пешком. Некоторые из них близко живущие от Ялты, прибыли в нее чтобы сесть на отходившие пароходы. Приблизительно два десятка кадет не были эвакуированы по неизвестным причинам.

Когда мы вышли из «трамвая» на пристань, на ней была огромная куча корпусного имущества, предназначенного на погрузку в баржу, которая ожидалась с часу на час. Гардемарины и кадеты переносили всевозможное корпусное имущество, а некоторые с винтовками в руках несли охрану около него. Чего тут только не было — обмундирование и белье из опустошенного цейхгауза, всевозможные учебные пособия, многочисленные книги из нашей библиотеки, различные приборы, винтовки и в конце концов хозяйственная утварь начиная от походной кухни, сопровождаемой съестными припасами, заготовленными для питания кадет, как бочки со смальцем, кули муки, крупы и прочее и прочее — ведь идем куда-то на полную пока неизвестность, а питание ведь важное дело.

Баржу «Тилли», столь ожидаемую нами, подал к пристани поздно ночью крупный буксир и с раннего утра 29 октября началась лихорадочная погрузка корпусного добра, складывали его в большом порядке по разным местам огромного судна предварительно очистив его от угольной пыли. Поздно вече-

ром, баржа приняла весь груз, включая литографские станки, погруженные тоже к нашему большому удивлению. А ведь впоследствии как же они нам пригодились для наших учебников в Бизерте.

В этот день распространился слух о том, что Корпус будет на следующий день погружен на линейный корабль «Ген. Алексеев» представлявший собой самую крупную в то время единицу Черноморского Белого Флота. Это бывшая «Воля», а до революции «Император Александр III» построенный в 1916 году на судостроительном заводе г. Николаева, водоизмещения 24 Т.Т. и с вооружением 12 12-тидюймовыми орудиями, в 4-х башнях и 18 130 м/метровых бортовых орудий, (т. е. по бортам).

Линейный корабль "Генерал Алексеев"

Наступило утро 30-го октября и нас разбудили звуками горна на час раньше обычного. «Тилли» была окончательно погружена еще с вечера и была готова принять конец буксира, но она должна была забрать с собою нас кадет как и остальной состав Корпуса. Кстати утреннего чая нам не дали. Ни кухни, ни продуктов в Корпусе для этого уже не было.

Кадетская рота выстроившись на плацу и имея на своем правом фланге Андреевский флаг с гербом Корпуса, пропев «Отче наш», т. к. для напутственного молебна не было времени, под командой своего ротного командира кап. I ранга

Берга, под звуки горна и барабанов, двинулась к пристани и взошла на баржу, где на палубе сгрудившись в кучу, уже стоял весь личный состав корпуса: мужчины, женщины и дети. Прислуга и служители решили не покидать Родины. Последним на баржу поднялся наш директор. При помощи сильного буксира мы, пройдя через весь северный Рейд, подошли к стоянке «Ген. Алексеева» у пристани Корабельной стороны в Южной Бухте, откуда был так хорошо виден красивый город Севастополь. Пришвартовавшись к «Ген. Алкесееву» мы поднялись на палубу и не теряя времени принялись за перегрузку имущества складывая его в большие кучи на указанных нам участках. Нам все же, для поддержания сил, дали кое-что перекусить.

В то же время с пристани по сходням грузились различные части Добро-армии с их имуществом и, после погрузки их, пустили на корабль и гражданские лица, включая женщин и детей, не пожелавших попасть во власть красных. Родные воспитанников Корпуса, имевшие возможность проводить своих сынов, стояли на пристани и старались хоть мельком увидеть родные лица, но это редко им удавалось, т. к. ни один из нас не был свободен от нарядов по погрузке, сперва корпусного имущества, затем угля из заменившей «Тилли» другой баржи, караулов, организованных тотчас же после прибытия на корабль.

В своем последнем приказе по Армии и флоту Ген. Врангель объявил, что он никого с собой насильно не увозит, пусть каждый выбирает: кто хочет оставаться — может оставаться — кто хочет с ним вместе покинуть Родину — тому он обещает позаботиться о нем.

Согласно этому приказу с л.к. «Ген. Алексеев» были отпущены все те кто по разным личным причинам предпочли остаться на Родине. Они были заменены волонтерами из пассажиров, военных или штатских, с обещанием усиленного пайка. Караульная служба для охраны как имущества, особенно съестных припасов, и, во избежание возможного саботажа, важнейших органов корабля, а именно кочегарного и машинного отделений, была организована из кадет.

То же самое произошло и на вспомогательном крейсере «Алмаз», куда тоже на выручку были посланы гардемарины. Гардемарины же исполняли и на «Ген. Алексееве» и на «Алмазе» должность сигнальщиков, предотвращая возможное преступное искажение передачи часто секретных сообщений.

Нашу кадетскую роту, численностью в 115 человек поместили в так называемый 20 плутонг 130 м/м бортового орудия с площадью около 50 кв. метров. Эта заведомо недостаточная «жилплощадь» дала нам, да и то не всем, устраиваться на ночлег, только при условии организации четырех этажей: на палубе на скамьях, на столах, на подвесных койках. Многие же из нас, не боящиеся ночной прохлады конца октября, нашли, после усиленной разведки, укромные уголки среди ящиков и кульков, загромождавших верхнюю палубу, или же под навесом орудийных башень, где впрочем не страшен был, возможный в этот сезон дождь. Ложились на дерево палубы, подложив под голову ранец с вещами и накрывшись одеялом и шинелью, бывшие к счастью у каждого из нас. Было конечно не очень удобно, но вследствие большой усталости сон моментально брал нас в свои объятия.

Что касается нашего питания — нашего дневного пайка, то он состоял почти исключительно из ежедневной полубанки корнбифа, очень прославленного продукта питания, заключавшегося в плотной массе розового цвета, сильно разваренной говядины с прослойками желтого жира, южно-американского происхождения, консервами которыми к счастью нас тогда снабжали наши союзники. Вопрос о столовой посуде был совершенно лишним, хоть она где-то и существовала, хранясь в каких-то ящиках — самое главное было положить себе что либо в рот. Выданная в полдень ротным командиром банка корнбифа в виде усеченной пирамиды тут же рубилась на две части при помощи французского штыка или кинжала, и половинки распределялись по жребию между нами. Ели просто пальцами или с участием перочинных ножей, заедая ломтиками черного хлеба, который полагался в пайке. Вечером мы должны были довольствоваться похлебкой из какой-то крупы, поглощая ее уже без хлеба, и из той же посуды по очереди. Как видно наши молодые желудки чувствовали ежечасно недостаток пищи, приводя рассудок к мысли, как и чем можно было бы удовлетворить их потребность. Но к счастью для нас, заведующий нашей хозяйственной частью был замечательный человек: войдя в наше положение и понимая что нести караульную службу и днем и ночью и исполнять еще и другие работы на пустой желудок очень тяжело — следовательно необходимо было поддержать наши силы — и он неофициально — на свою ответственность выдал нам мешок му-

ки и немного смальца, которые мы хранили в очень укромном месте и лишь поздней ночью, когда все уже спало, в покинутом «коками» (поварами) «камбузе» (кухне) происходило своего рода священнодействие: это пеклись из полученной муки лепешки которые затем по братски между всеми нами делились и казалось что такого вкусного продукта мы в жизни никогда не ели.

Днем 30-го после разгрузки нашей баржи на ее смену пришвартовалась другая на этот раз угольная и был «аврал» погрузки угля, в которой были обязаны участвовать все свободные люди на корабле, будь то команда, мы, военные части или штатские. Многие полезли в глубину баржи наполнять углем бадьи, поднимаемые кранами на палубу корабля для ссыпки его в горловины угольных ям, иначе говоря, глубокие бортовые отсеки, находящиеся вблизи котельного отделения. А чтобы ускорить переноску угля от места выгрузки его на палубу до горловины в угольные ямы, таскали уголь мешками, волоча их по палубе, причем впрягались в них по парно — даже маленькие кадеты, работая до позднего вечера. Затем к борту подошел один миноносец из которого перекачивалась нефть, т. к. половина котлов на «Ген. Алексееве» отапливалась ею.

К вечеру, 30 октября, послышалась со стороны города частая ружейная перестрелка, неизвестно по какой причине, говорили о начале восстания левых элементов и грабеже магазинов и что туда для наведения порядка послали юнкеров. Вдруг высокое пламя с треском поднялось над портовыми складами, совсем неподалеку от нашей стоянки. Ночь прошла сравнительно спокойно, несомненно, благодаря усиленным караулам, как на корабле, так и у сходень. Продолжалась работа наведения сравнительного порядка на невероятно загроможденной верхней палубе: как грузы, так и пассажиры были большей частью спущены в трюмы и свободные помещения, пригодные для жилья. Правда, эти последние не долго служили убежищем из-за присутствия в них огромных крыс, свободно разгуливавших по телам спящих без всякой опаски. Наш ротный командир капитан первого ранга В. Берг в своей книге «Последние Гардемарины» стр. 119-120 очень картинно описывает это зрелище: «в тишине заснувшего корабля, по темным трюмам, по бимсам казематов и кубриков, выползали старые и молодые, рыжие и черные крысы и, шевеля усами,

сверкая красными глазками, пошли в ночной дозор, осматривать новое на их корабле и нет ли там чем покормиться. С ужасом смотрели на них бедные женщины и дети, которым было не до спанья в эту страшную ночь. Они, которые на земле так боялись малой мышки, здесь на воде увидали гигантских крыс — «Боже! куда деваться?» — «Не бойтесь, барышня, они не кусаются» отвечал привычный матрос».

Рано утром 31-го октября казалось, что все готово к отплытию. Буксиры подошли и, когда начали отдавать швартовы, все вздохнули и многие по русскому обычаю перекрестились. «Ген. Алексеев» медленно тронулся со своей стоянки и стал на якорь на внешнем рейде. Вскоре привели сюда и вспомогательный крейсер «Алмаз» где наши гардемарины, как было сказано выше, также несли сигнальную вахту и караулы у механизмов. Несмотря на переполненность «Ген. Алексеева» новые баржи, катера и шлюпки продолжали приставать с пассажирами и их скарбом. Они просили их принять на борт и никто не смел им отказать. Накануне вечером был послан отряд гардемарин для охраны Графской и Минной Пристаней, посылая одновременно патрули в город. Один из них встретил идущего пешком, в сопровождении адъютанта, ген. Врангеля и опасаясь за его безопасность, проводил его до штаба куда он направлялся. Освободясь от караульной службы среди дня тот же отряд, уже по своей инициативе, наполнил найденную водоналивную баржу и подвел ее к нашему линейному кораблю, с помощью буксира, «Воевода Путник», брошенного командой. Таким образом наш корабль получил воду, необходимую для питания котлов. Уже поздно вечером, гардемарины привели корпусную царскую баржу — огромную восемьнадцати весельную шлюпку красного дерева с позолоченными барельефами вдоль борта, служившую раньше для приема царственных особ. Она была горой нагружена ящиками с продовольствием для нашего питания. В это время корабль готовился к съемке с якоря и баржу начали поспешно разгружать, но потом решили с помощью крана поднять ее со всем содержанием на борт корабля. У ней не было подъемных рымов (рым это прочное железное кольцо вделанное в палубу — за эти кольца шлюпку при помощи подъемных кранов, поднимают на палубу корабля). Поэтому под киль подвели стропы (железные тросы) но от тяжести баржа затрещала и ее, к сожалению пришлось оставить на произвол судьбы.

Много судов в этот час уже покинули Севастопольский рейд, но много еще стояло окружая нас. «Ген. Корнилов» флагманский крейсер, под флагом Главнокомандующего и Командующего флотом Вице-Адмирала Кедрова, стоял против Графской пристани и должен был уйти последним.

Ровно в 11 часов вечера, давно уже подняв пары, «Ген. Алексеев» начал выбирать якорный канат и, медленно разворачивая свой огромный корпус, направился в открытое море. Из командирской рубки в машинное отделение понеслись приказания: «Малый вперед! Средний вперед!» и, наконец, «Полный вперед!» Все находившиеся на палубе столпились у борта и надстройках корабля уходящего на совершенно неизвестный срок, неизвестно куда. Многие плакали, крестились и махали платками. Самое главное было для нас то обстоятельство, что корабль пошел самостоятельно, без помощи буксиров, что котлы дали достаточно пару, что машины работали, приводя в движение гребные валы. Несмотря на полный ход, корабль шел медленно отчасти из-за неисправности котлов, отчасти из-за неопытности новоиспеченных кочегаров. Перед тем как обогнуть мыс Фиолент, он взял путь вдоль берега, чтобы обойти минные поля, расположенные дальше в море. Проплывая освещенный город на горе, кое где видны были пожары. Последним нашим видением был Херсонесский маяк, мигающий огонь которого, казалось нам говорил напутственные слова: «Это временная разлука, вы еще вернетесь когда Россия возродится. — «До скорого свидания» мысленно отвечали мы. Корабль продолжал идти и мы все усталые после четырех дней напряженного труда, заснули под равномерный шум машины и тихое содрогание корпуса нашего гиганта корабля. Наше новое пристанище, т. е. куда мы идем, куда нас направят наши союзники нам не было известно. Белая армия и флот с семьями, у кого они были невдалеке, покидали родную землю, расставаясь с матерью Родиной. В этот исторический поход — на 126 судах Эскадры Черного моря было вывезено 145.693 человека.

Как много людей обязаны флоту спасением их жизней!

КОНСТАНТИНОПОЛЬ – БИЗЕРТА

(По воспоминаниям гардемарина)

После ухода из Севастополя «Генералу Алексееву» из-за недостатка пресной воды и неопытности кочегаров понадобилось 4 дня, чтобы дойти до Константинополя, где он стал на якорь на внешнем рейде у бухты «Мода». Нам по прежнему не было известно куда нас «далее» направят наши союзники. Пополнив запас воды и пройдя карантин, мы с нетерпением ждали дальнейших событий.

Наконец, во второй половине ноября, пронесся слух о том, что флот, а вместе с ним и наш Морской Корпус, будут направлены в Африку. Через несколько дней нас известили, что будущим местом нашего пребывания будет порт Бизерта, находящийся в Тунисе на самом севере Африки и являющийся второй после Тулона, базой французского средиземного флота.

В начале декабря, наш корабль стал готовиться к отплытию. Он принял полный запас нефти, для передачи его, в Наварине, на наши эскадренные миноносцы и погрузили уголь для себя.

Угольная погрузка на военном корабле совсем не похожа на погрузки, которые мы часто видим на суше. Все подъемные краны на корабле готовы к действию и весь свободный состав, включая и офицеров принимает участие в погрузке. На верху на рострах, оркестр играет марш, увеселительные танцы, арии, чтобы подбодрить, поднять энергию, дух у команды, в ее тяжелом труде.

Первый мешок с углем, по старой традиции тащит в паре с кем-нибудь сам старший офицер корабля. Это дает отличный пример для всех. Только лишь командир корабля не участвует в погрузке угля. В былые времена погрузка угля была своего рода состязанием между рядом стоящими кораблями: кто кончит первым?

Ну вот все нужное для похода принято: провиант, нефть, уголь, вода и все ожидают с нетерпением сигнала сняться с якоря. Наконец в середине декабря долгожданный приказ пришел и мы снялись с якоря, на котором простояли больше сорока дней. В сопровождении французской канонерки мы днем

прошли Мраморное море и вечером стали на якорь в Дарданеллах у селения Галлиполи, где у нас высадилась Армия генерала Врангеля, и простояли там до утра. Из-за размеров «Генерала Алексеева» мы не могли следовать по самому короткому пути через Коринфский Канал как прочие средние и мелкие суда флота, а обогнув весь мыс Мотопан на Пелопонезе, самой южной точки Европы мы зашли в Наваринскую бухту для снабжения.

Эгейское море встретило нас весьма неприветливо, т. к. это время года оно подвержено бурям. Сильный шторм очень трепал наши сравнительно мелкие конвоиры, которым нам приходилось оказывать помощь. Во время всего похода две французские канонерские лодки затонули с потерей в людях. Этот декабрьский шторм продолжался до самого Наварина. Нам было жаль не иметь возможности поплавать по Эгейскому морю, в тихую погоду не даром называемому Архипелагом, из-за бесконечного количества островов и островков, рассыпанных по всей поверхности этого моря, и таких живописных.

Обогнув берега Греции, мы вошли, наконец, в Наваринскую бухту, которую мечтали увидеть, ведь Наварин это одна из самых славных страниц истории русского флота. Там в 1827-ом году соединенный Турецкий и Египетский флот потерпел полное поражение имея судов втрое больше нас. Герои Севастопольской обороны и будущие адмиралы Нахимов и Корнилов были там участники боя в мичманском чине. Стали мы на якорь посредине бухты уже под вечер и с берега потянуло особенным приятным запахом спелых апельсинов, растущих в изобилии в этих райских местах.

На следующее утро к кораблю направилось несколько ялшков с греками и горами апельсинов и мандаринов издававших сильный аромат, но к сожалению у нас не имелось валюты, ни вещей в обмен и только немногие счастливцы могли полакомиться, а остальные наслаждались только запахом.

Несколько офицеров было командировано на берег для переговоров с местными властями о возможности снабжения, хотя бы пресной водой. Выяснилось существование речки у селения и это сильно упростило наши притязания. Спустили самые вместительные шлюпки, а именно баркасы, и повели их на буксире к устью речки, чтобы, наполнив их водой, доставить максимальное количество ее на корабль. Мы все вдоволь пили наслаждаясь настоящей пресной водой, а то ведь

весь рейс пили какую-то отвратительную полусоленую жидкость из опреснителей морской воды. Вдоль узкого полуострова, отделяющего бухту от открытого моря, тянется подобно стене гряда высоких скал, у подножья которых со стороны бухты, находится русское братское кладбище моряков, павших в Наваринском сражении за освобождение Греции от турецкого ига. На этих отвесных скалах виднеется целый ряд надписей, масляной краской, аршинными буквами с названиями русских кораблей, начиная с парусных и кончая современными, посетивших эту историческую бухту и отслуживших панихиду на братских могилах. Такова была традиция со времени Наваринского боя, свято хранимая в нашем флоте, что каждый военный корабль проходя мимо Наварина — заходил в бухту и служил панихиду. С «Ген. Алексеева» также, во главе с адмиралом, нашим директором корпуса и с нашим настоятелем о. Георгием Спасским, съехала на полуостров наша кадетская рота и крупная группа матросов помолиться на могилах за упокой душ наших моряков. Какое то особенное таинственное чувство влекло нас туда. Было очень торжественно и особенно трогательно слушать возгласы священника и пение нашего хора в этих исторических местах, думая о том, что может быть мы последние, под Андреевским флагом, исполняли этот священный долг. Мы также оставили на скале надпись «л. к. Генерал Алексеев».

Все мы обратили внимание на чистоту и порядок благодаря заботам греков по отношению к русским морякам, павшим за их самостоятельность и Православную Веру. Возможно, что этому содействовало частое посещение бухты русскими военными кораблями, а также и благосклонное к русским отношение греческой королевы Ольги, дочери Генерал-Адмирала В. К. Константина Николаевича. В русском флоте она пользовалась большой популярностью и матросы называли ее «Королевушка Ольга». Заботливая к ним, она построила в Пирее Морской Госпитал для русских, превращенный впоследствии в Дом отдыха для престарелых русских эмигрантов, проживающих в Греции.

После панихиды на кладбище одним из наших корпусных офицеров была прочитана лекция о Наваринском бое и это без каких-либо чертежей и карт, т. к. лектор указывал наглядно расположение кораблей союзного и вражеского флотов в бухте во время сражения. Этот день остался надолго у нас в

памяти, а за ним потекли другие, обыденные, со всеми служ-бами в караулах и на дежурствах.

Стояли мы в Наварине больше недели, в течение которой к борту нашего корабля ошвартовывались сперва эскадренные миноносцы для снабжения их нашим запасом нефти, затем различные суда доставившие нам уголь, воду и провизию необходимые для плавания до конечного пункта — Бизерты.

Прощай Наварин! Побываем ли мы снова в твоей бухте и пойдем ли на кладбище русских героев, чтобы поклониться их могилам? К моему сожалению ни один из пароходов, на которых я обыкновенно люблю летом совершать поездки заграницу, не заходит в Наварин и мне с той далекой поры не удалось снова посетить эти места.

Покинув Наварин мы вышли в Ионическое море, под сильным встречным ветром вскоре перешедшим в настоящий шторм. Небо покрылось темными тучами и изредка лил сильный дождь, встречные волны, высотой в 4-5 метров то подымали наш дредноут, то стремительно опускали его в налетевшую водяную гору, но он разрезал ее и двигался вперед. Особенно высокие волны, так называемый «девятый вал» обрушивались на палубу, неслись по ней разбиваясь о находящийся на палубе волнорез, обдавая крупными брызгами переднюю башню с 12-ти дюймовыми орудиями. За прикрытием стального волнореза мы пытались стоять и наблюдать картину борьбы нашего корабля с бешенно нападающим на него морем, и это нам удавалось, так как вода ударившись в волнорез, поднималась ввысь и пролетала над головой.

Качка была килевая и очень плавная, не вызывая почти ни у кого морской болезни, но на наших французских конвоиров было жалко смотреть, до того их швыряло во все стороны. Иногда они совсем исчезали из поля зрения, закопавшись в волну и вдруг появлялись целиком на гребне ее. Все было интересно и для нас, мечтавших стать в будущем настоящими моряками, величественно.

На второй день к полудню, море начало успокаиваться, небо прояснилось и в северо-западном направлении стали вырисовываться вершины гор с вдали белеющей от снега Этной, кульминирующей точкой острова Сицилии высотой в 3300 метров. Долго еще был виден нам этот мощный вулкан, далеко на фоне ясного неба, и это не удивительно из-за дистанции до него примерно в 100 миль.

Когда берега Сицилии начали исчезать, то уже к вечеру снова на горизонте, появилась в дымке темная полоса другого берега. Это был скалистый итальянский остров Пателлерия, мимо которого мы прошли довольно близко. Вставши рано утром, мы увидели наконец настоящий африканский берег в виде высокого мыса Кап Бон, у подножья которого виднелся остов наполовину затонувшего французского броненосца Буве, жертвы великой войны.

Отсюда нужно было пересечь тунисский залив с городом Тунисом в его глубине, чтобы достигнуть нашей Бизерты, и через несколько часов под вечер мы стали на якорь в пол мили от города, иначе говоря, на внешний ее рейд, где и оставались до следующего утра.

Мы все, и во все глаза, кто в бинокль (в редких случаях) любовались картиной белого арабского городка, разбросанного по обеим сторонам канала за волнорезом и двойным молом, ведущим из моря во внутренний рейд и дальше расположенное судоходное озеро. Наконец мы увидели эту загадочную Африку, будь даже она северной. Так как ночью крупные суда в порт по техническим причинам не могут входить, то мы должны были ждать утра. И вот на следующее утро мы увидели два больших французских буксира, идущих из порта к «Ген. Алексееву», чтобы ввести его в канал. Один из них буксировал корабль с носа, а другой управлял нашей кормой, что всегда делается при сложных маневрах крупных судов. Мы прошли еле-еле между волнорезами из-за ширины нашего гиганта и очень медленно вошли в канал достаточно глубокий для нашей осадки, около 12 метров. По берегам канала нас встречала разношерстная арабская толпа, громко выражая свои чувства криками «Руссия иншалла», что значит «с Божьей помощью», и маша руками в знак приветствия.

Надо сказать, что Франция вследствие конфликта, взяла Тунис под свое покровительство, установила так называемый протекторат с мая 1881 года и через некоторое время, учитывая расположение Бизерты, организовала в ней военно-морскую базу для своего флота. И действительно географические особенности бизертской области заслуживают особенного внимания, ввиду присутствия большого и достаточно глубокого озера в нескольких километрах от морского берега, да еще с рекой втекающей в море. Довольно было французам превратить реку в судоходный канал, чтобы создать в озере убежи-

ще для огромного количества судов какого угодно размера. Говорили, что Бизертское озеро имеющее поверхность в 150 квадратных километров, смогло бы поместить в себе все военные флоты мира и это, как мы убедились на месте, вещь весьма возможная.

На южном берегу озера, противоположном каналу, французы во главе с дипломатом Жюлем Ферри основали город Ферривиль и при нем крупный арсенал военно-морского ведомства под названием Сиди Абдалла в честь тамошнего арабского святого. Мы позже хорошо познакомились с его сухими доками и мастерскими, во время ремонта нашего учебного судна. В арсенале Сиди Абдалла два сухих дока были выстроены по чертежам русских инженеров согласно размерам наших дредноутов постройки 1912-1916 гг. В самом деле, по договору, подписанному в начале 1-ой мировой войны министром Сазоновым и союзниками, Россия, в случае победы, должна была получить кроме Босфора и Дарданелл еще и Бизерту в качестве базы Русского Средиземного Флота, для дредноутов-крейсеров «Кинбург» и «Измаил».

В те времена Бизерта насчитывала 20 тысячь жителей, из которых приблизительно половина французов и итальянцев (эти последние в особенности рабочие специалисты, покинувшие рано или поздно родную, но бедную, близлежащую Сицилию). Арабское население занимало свою часть города, окруженную стеной и характерную своими мечетями и жилыми домами, в то время как европейское население жило в так называемом новом городе, прилегающем к старому арабскому, построенном французами за последние три десятка лет в особом колониальном стиле, где белый камень чередуется с красным кирпичем. Вдоль канала тянутся такого рода строения в два или три этажа, служащие в большинстве для администрации.

Сперва, на протяжении около двух километров, канал идет строго прямой при ширине около ста метров, с пристанями для стоянки пассажирских и торговых судов со стороны, собственно говоря города. Противоположная сторона канала, восточная, застроена пригородом Зарзуна, сообщается с центром паромом, пересекающим канал при помощи паровой тяги и толстых цепей, лежащих на дне от одного берега до другого.

Дальше, к озеру, канал постепенно расширяется в виде устья реки и служит внутренним рейдом для стоянки судов

на бочках или на якоре. Идя с моря справа находится бухта Бэ Понти, военно-морская база во главе с префектом, дальше бухта Бэ Каруба с починочными мастерскими.

На этом то внутреннем рейде и стоял наш «Ген. Алексеев», бросив якорь примерно в середине его. Вокруг стояли другие русские суда, пришедшие до нас сокращенным путем через Коринфский канал.

Прибыли мы за три дня до православного Рождества и все готовились встречать этот великий праздник, но увы без традиционной елки. На всех наших судах поднят желтый карантинный флаг, что означает полную изоляцию с берегом. Нормально карантин означает срок в сорок суток сидения на месте и нам остается только с одной и той же точки смотреть на окружающую обстановку.

Но вот приходит и день Сочельника. На Юте корабля, позади кормовой башни, все готово для торжественной Рождественской службы и под средним 12-ти дюймовым орудием приготовлен аналой. По бортам выстраиваются, спиной к морю, с одной стороны команда корабля, с другой наша кадетская рота. Посредине, за духовенством, стоят наш директор, Вице-Адмирал Герасимов, офицеры Корпуса и весь командный состав корабля, имея позади матросский хор.

Служит о. Георгий Спасский, протопресвитер флота и, в то же время, наш корпусной настоятель, в сослужении с флотским протодьяконом о. Николаем.

Был тихий и теплый вечер под африканским небом в этот сочельник, первый для нас так далеко от Родины и нам казалось, слушая возгласы священнослужителей и пение смешанного хора тропаря и стихир славящих Рождение Христа, что мы будто в самом Вифлееме на Святой Земле.

На темном небе мы видели мерцающие звезды и мысли наши невольно переносились домой, в далекую теперь Россию, где те же звезды светят нашим покинутым семьям, над покрытыми искрящимся снегом полями и лесами. Навеянная невольно на нас грусть, как то находила успокоение во время церковной службы, дающей надежду на будущее и мы разошлись в радостном и тихом настроении, чувствуя великий праздник.

Ужин был праздничный с прибавлением таких лакомств как фрукты: апельсины, мандарины, финики и фиги, растущие в стране. Уже давно нас не баловали так за столом.

Затем был устроен праздничный спектакль соединенными силами персонала корабля и состава Корпуса под открытым небом. Нашлись великолепные исполнители пения, танцев и игры на сцене и все было организовано в чисто русском духе. Трудно вспомнить все исполненные номера, кроме разве «Светит месяц, светит ясный», исполненный хором на фоне темного занавеса из огромного брезента, по которой медленно скользил диск месяца, описывая орбиту при помощи лучей прожектора.

Но вот праздник прошел и потянулись скучные дни стоянки на якоре без возможности сойти на берег и поближе познакомиться со всеми особенностями этой африканской земли, так нас интригующими в нашем юношеском возрасте. И когда же кончится наше сидение, «на мертвом море»? Ведь желтый карантинный флаг все еще болтается на рее фок-мачты, французские сторожевые катера снуют постоянно вокруг наших кораблей и чернокожие часовые охраняют пристани, обеспечивая полнейшую изоляцию суши от нашей эскадры.

Пронесся слух о боязни французских властей заразить население, особенно туземное, не так какой нибудь болезнью (на то и карантин) как социалистическими, хуже, коммунистическими идеями, привезенными якобы из России. Эта боязнь в некоторой степени была обоснована, так как небольшая часть матросов пожелала вернуться обратно в советский «рай», желание сразу же удовлетворенное французами.

Вскоре, Командующий Флотом, Вице-Адмирал Кедров отбыл в Париж на французском крейсере для переговоров о дальнейшей судьбе нашей эскадры численностью около 60 единиц различных величин и типов, с приблизительно 20 000 человек команды и беженцев. В его отсутствие командование эскадры принял Контр-Адмирал Беренс.

Начальник Штаба Флота, Контр-Адмирал Машуков вступил в переговоры с французским морским префектом адм. Варрей с целью снятия карантина и перевода беженцев и Морского Корпуса на берег. Префект пошел нам навстречу и не дожидаясь распоряжений из Парижа, предоставил на выбор Корпусу один из лагерей и фортов береговой обороны, находящихся вблизи Бизерты. Осматривая эти лагеря, комиссия с Кап. 2 р. Александровым во главе, остановила свой выбор на форте «Джебель Кебир» разоруженным в данный момент, для размещения воспитанников и близлежащем лагере «Сфаят» для устройства персонала, складов и служб.

Мы дадим описание нашего устройства в назначенных Корпусу местах в другом очерке, прибавив здесь, что Бизерта послужила не только нашим тихим пристанищем, но также и для эвакуированной, под натиском австрийцев, сербской армии в 1915 году, а, позднее, уже в 1939 году, для испанского красного флота.

УСТРОЙСТВО КОРПУСА НА СТАРОМ БИЗЕРТСКОМ ФОРТУ

Как было сказано в предыдущей главе, франко-русская комиссия избрала для помещения Морского Корпуса, старый, конца прошлого века, разоруженный форт, расположенный на вершине горы в 274 метра вышиной и отстающей от него, на один километр с лишним, барачный лагерь для персонала Корпуса. От форта до Бизерты было около 6-ти километров по шоссе.

Настал день расставания с нашим кораблем «Ген. Алексеевым» к которому мы уже сильно привыкли за эти три месяца жизни и службы на нем, главное что он являлся для нас последним, как бы кусочком России. Это произошло в конце января 1921-го года.

С раннего утра кадеты, имея еще с вечера свои вещи уложенными в ранцы, с нетерпением ждали нового, еще неведомого, на чужом берегу. После обычной церемонии подъема флага в 8 часов мы выстроились на палубе для напутственного молебна и обращения к нам адмирала. Видны были сосредоточенные, спокойные лица кадет, уверенных, что начальство примет все меры к тому чтобы Корпус продолжал существовать в наилучших условиях даже на чужбине.

Около 10 часов подошел вместительный французский катер и наша 6-ая рота, с ротным командиром Кап. 1-го ранга Берг и офицерами погрузились на него со своими вещами.

Катер направился с рейда в бизертский канал. Мы все смотрели на лево, где вдали возвышалась гора «Джебель Кебир» где был наш форт. К нашему удивлению катер ошвартовался у пристани у противоположной Кебиру стороны канала. На пристани нас ожидал французский офицер с четырь-

мя солдатами сенегальцами, сообщил Кап. Бергу, что он прислан от французского командования для указания нам дороги и если надо в чем помочь нам. Он также сказал, что прежде чем идти в лагерь мы должны пройти через дезинфекционный пункт, невдалеке от места нашей высадки. От него же мы узнали, что после бани нам приготовлен обед, после которого мы отправимся на наши новые квартиры.

Солдаты сенегальцы взяли чемоданы офицеров. Французский офицер жалел, что не подумал прислать грузовик для перевозки вещей. Взяв на плечи наши ранцы мы двинулись в путь. Шли мы около трех километров по утомительной песчаной дороге под моросившим дождем, пока добрались до лагеря «Бен Негро», в котором был дезинфекционный пункт. При входе в баню мы сдали наши вещи в дезинфекцию. Нам выдали по кусочку мыла, темного серого цвета будто из оливкового, здесь национального масла и грубые полотенца. Это была не баня как в России, а просто больное помещение с душами.

Была зима хотя и африканская без мороза, казалось бы что баню следовало соответственно нагреть, но не тут то было! Совершенно раздетые мы вошли в купальное помещение и начали страшно дрожать, а когда на нас полилась совсем почти холодная вода, то мы стали прыгать, чтобы хоть немного согреться, и в то же время мыться. Так прошли через это неожиданное испытание пять групп нашей роты и в это время были вынуты наши носильные вещи из котлов в которых их подвергли действию сильно нагретого пара, уничтожающего не только насекомых, микробов и разных паразитов, но и все кожаные атрибуты одежды и амуниции. Многие из нас пострадали, у кого были пояса или ремни от сумок кожаные — у тех или брюки не держались, или сумки пришлось нести в охапку, а предстоял длинный путь обратно до пристани, а затем до нашего форта по ту сторону канала и к тому еще в гору. По нашем выходе из «бани» нам предложили пообедать тут же под открытым небом. Дождь к счастью перестал. Нам выдали по осьмушке серого солдатского хлеба и по кружке вина — весьма кислого, но позволявшего нам согреться и обрести силы: затем выдали по коробке сардин на двух и затем главное блюдо, которого мы с таким нетерпением ждали и от которого так хорошо пахло.

Французский сержант, распоряжавшийся там, сказал чтобы

мы шли получить его на стоявшей вблизи кухне. Но у нас не было с собой чем есть, ни ложек ни судков. «Займите у солдат», сказал нам сержант, указывая на синегальских стрелков, уже пообедавших и отдыхавших под деревьями. Мы группой подошли к кучке этих черных солдат, имевших на шинелях унт. оф. отличия с расчетом, что с ними мы сможем легче объясниться на французском языке чем с рядовыми. Они сразу нас поняли и, улыбаясь, стали вытаскивать из сумок свои судки и ложки и протягивать их нам. В это время к нам подошел один кадет, по природе полнее других с пухлыми розовыми щеками. Протягивая ему свою посуду и указывая на него ложкой, один из синегальцев с добродушной улыбкой сказал нам: — «а я таких вот четырех немцев съел!» — «Как так?» — воскликнули мы — «да где же ты их ел»? — «на войне, во Франции» (1-ая мировая война незадолго только кончилась) и он добродушно продолжал улыбаться, а другие сидевшие с ним, в подтверждение того что он сказал утвердительно качали головами. Потрясенные этим рассказом в полном недоумении мы спросили об этом сержанта француза и тот подтвердил, что эта синегальская часть действительно была на фронте и что это вполне возможно, но все же такие случаи бывали очень редко, что это после боя, ночью, тайком ели убитых неприятельских солдат, но за это, когда обнаруживали, французское начальство очень строго наказывало. Не трудно себе представить наше состояние ужаса и отвращения, вызванного таким рассказом.

Наконец мы получили долгожданное горячее блюдо так вкусно пахнувшее, но какое разочарование. Это был суп из пуа шиш (крупный сухой горох). Нут по арабски, очень употребляемый в странах востока. Пахло очень вкусно, но взявши в рот мы пришли в ужас. Жжет страшно из-за перченой приправы. Острый красный перец в большом количестве кладется в арабские блюда. Наши невольные гримасы очень забавляли смотревших на нас синегальцев. После короткого отдыха нужно было, не солоно хлебавши, собираться в обратный путь, тем более что в зимнюю пору день кончается уже к пяти часам.

Наш ротный командир, хорошо понимая наши невзгоды, как долгий перегон, холодный душ и, можно сказать, голодный обед разрешил идти «вольно», т. е. не строевым порядком. В дороге мы согрелись, несмотря на снова моросивший дождь.

Мы наконец достигли и остановились у пристани парома. Паром этот перевозит с одного берега канала на другой как людей так и груз. Передвижение происходит при помощи двух паровых шпилей, тянущих мощные цепи, проложенные по одну с одного берега на другой. Несмотря на примитивность этого способа переправы на пути из Бизерты в столицу страны Тунис, французы никогда не решились построить мост из стратегических соображений: в случае его разрушения во время войны канал станет негодным для эволюций флота между рейдом и открытым морем.

Мы ждали прибытия парома, стоящего для разгрузки и погрузки на другом берегу, наблюдая за окружающими нас людьми, в большинстве арабами, они были одеты в просторные бурнусы и гандуры с чувяками на босу ногу и с низкими красными фесками, украшенными длинной черной кистью. Это мужчины, а женщины были закутаны в белоснежные хаики и обязательно с черной чадрой на лице, оставляя неприкрытыми только глаза, темные и большие, что позволяло предполагать их особенную восточную красоту. Женщин мужья не особенно охотно отпускают из дома, а некоторые и вовсе не выпускают, так что в толпе мужской пол преобладал. Они ели сидя на крупе ослов, мулов, стояли в арбах, на двух огромных колесах и пестро размалеванных, или просто прохаживались по пристани.

Сзади нас тянулся ряд домов, снежно белого цвета, покрытых терассами но почти без окон, окруженных пальмами и маслинами.

Арабы, заинтригованные большим отрядом юношей в военной форме, говорящих на незнакомом языке, наконец поняли нашу национальность и стали приветствовать нас с видимой симпатией: Руссия хандулла, но паром подошел и все ожидающие переправы поспешили занять лучшие места. Наша рота погрузилась в последнюю очередь, стараясь попасть на левый борт, чтобы хоть издали увидеть внутренний рейд со стоящими в нем нашими кораблями.

Наш паром сильно сносило течением в канале, меняющим направление в связи с приливами и отливами в море, и приближался к пристани он косо. Мы в городе и ротный командир выстраивает нас в колонну, приказывая идти в городе с равнением в рядах, чтобы местные жители, видя нас, имели хорошее представление о русских моряках, которых приютила Франция.

И действительно население города видимо показывало свою симпатию к нам. Выйдя из города мы снова потянулись «вольно» по извилистой дороге, ведущей в горы, под постоянно моросящим дождем, делающим нашу поклажу еще тяжелее. Все мы устали и промокли, но подбадривала нас окружающая природа: масличные рощи с вековыми стволами причудливой формы, финиковые пальмы, а также попадавшиеся по дороге оригинальные строения в мавританском стиле, встречные арабы, сидящие с поклажей на осле и идущими за ними женами, как это обычай у них. Все это было ново и потому интересно. Наши офицеры рассказывали нам по дороге об особенностях этой новой для нас страны. Дорога наша становилась все круче и извилистей по мере приближения к вершине горы где прятался скрытый землей предоставленный нам форт.

Миновав лагерь Сфаят с десятком деревянных бараков где должен был разместиться наш персонал и службы, мы пришли на обширную площадку откуда как на ладони открывался вид на Бизерту лежащую где-то внизу, канал, обширное море с далеким горизонтом, озеро с позади лежащей скалистой горой Джебель Ишкель, где была охота тунисского Бея, и конечно рейд со стоящей на нем русской эскадрой. Как в панораме наши корабли рельефно выделялись и мы их узнавали каждого в отдельности.

Входные ворота в форт "Джебель Кебир". Выходит кап. 1 р. Китицын

Со стороны чернело углубление с воротами и это был вход в форт Джебель Кебир, со стоящим у него арабским часовым. Перед входом в форт был большой плац на котором впоследствии порисходили наши парады и другие торжественные церемонии, включая смотры при приеме важных лиц, маршала Петена включительно. Он был начальником береговой обороны и совершал инспекцию фортификации. У некоторых из нас сохранились фотографии его входящего в форт с морским префектом и нашим адмиралом на одной, и беседующего с кадетами на другой. Мы строем вошли в ворота форта, причем часовой араб взял, возможно врасплох, «на караул» и очутились в просторном дворе окруженном постройками с одной стороны и высокой стеной с другой. Сгрузивши наши вещи, после короткой передышки мы осмотрели форт, ставший нашим домом, как потом оказалось, в течение четырех лет. Здесь необходимо ознакомить читателя с архитектурой и распределением помещений этого форта.

Надо себе представить огромное углубление на вершине

Маршал Петэн с адмиралом Эксельмансом и нашим директором вице адмиралом Герасимовым входят в форт

горы, прямоугольной формы, с рамером примерно 150 х 100 метров и до 8-ми метров глубиной в котором построен форт, с

окружающим его рвом около 6-ти метров ширины, часть вырытой земли пошла на приподнятие окружающего форт вала.

Постройка была исполнена французами в конце прошлого века, но в данный момент, по нам неизвестным причинам, форт был разоружен и только четыре тунисских стрелка во главе с одним капралом несли охранную службу, т. е. смотрели чтобы никто из посторонних не забрел в форт.

Внутреннее устройство форта со стороны главного фасада

Маршал Петэн с французскими генералами и адмиралами обходит наш фронт в конце 1922 года

состояло: слева от входных ворот было караульное помещение, затем четыре обширных сводчатых каземата с устроенными в них на 64 человека каждый в два яруса железными нарами, т. е. вроде казармы. Дневной свет проникал в казематы из рва, окружавшего форт. Этот свет был довольно слабый. В каждом каземате было только по орудийной амбразуре и по две узких бойнице выходящих в ров, после четырех часов в половине помещения нельзя уже было читать. Все эти помещения были сверху покрыты слоем земли метра в три толщиною, засаженные травой и служащие блиндажем. Так что фактически мы жили под землею. В первых двух казематах была размещена 2-ая севастопольская гардемаринская рота. Нашу кадетскую роту поместили в 2-х следующих казематах, где места для спанья на нарах были распределены по взводно. Первый и второй взводы в одном каземате а третий и четвертый в другом, по порядку наших номеров идущих по росту. Далее находился угловой капонир, в котором вскоре по нашем прибытии, собственными силами была сооружена церковь с иконостасом и прочим убранством, взятым с эскадры.

Справа от ворот шел ряд помещений комнатного типа, видимо предназначенных строителями форта для служб, канцелярий или квартир для командного состава, у нас же они как

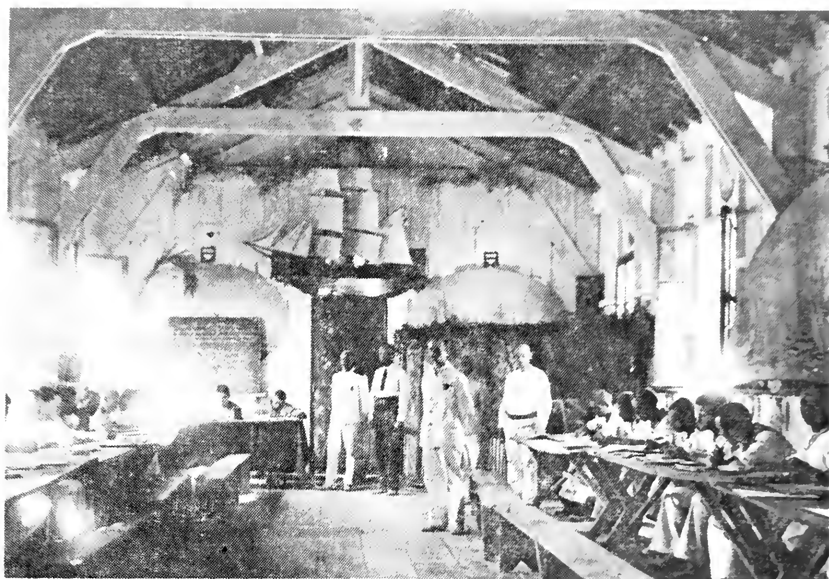
Внутренний двор форта

более светлые помещения были использованы как классы, мы должны были продолжать учиться по нормальной программе Морского Корпуса.

Из этих классных комнат две получили название кабинетов: физического, снабженного специальными приборами частью с кораблей, частью вывезенных из Севастополя и естественно-исторического, вскоре снабженного богатыми коллекциями всякого рода насекомых и пресмыкающихся страны, в живом или консервированном виде, приносимых в большом количестве самими учениками.

В правом крайнем капонире разместили 1-ую гардемаринскую роту Кап. 1 р. Китицына, прибывшую как раз из Владивостока в Севастополь в момент эвакуации Крыма.

3-я гардемаринская рота в это время находилась на «Моряке» так что в нашем переселении на берег не участвовала. Во дворе форта, вдоль него, находились здания служившие нам как дежурная комната, комната К. 1-го Р. Китицына (он был холостой и был единственный из всех офицеров живший на форту и разделявший жизнь воспитанников, вставая по горну и питаясь из той же кухни) затем был лазарет, потом под навесом стояла походная кухня и была устроена кладовая, кроме того за кухней были еще 2 каменных барака, в которых

Классные занятия

помещались класс и спальня 4-ой кадетской роты. В боковом коридоре находилась умывалка с несколькими кранами, которых явно было недостаточно, принимая во внимание нашу обильную численность в 300 с лишним гардемарин и кадет (одна из рот в первое время, всегда была в плавании на «Моряке»).

Когда мы прибыли на форт, то там все было вычищено и оставалось только каждому из нас набить матрас свежей соломой и постелить выданным бельем.

Гардемарины уже раньше нас были на форту и когда мы прибыли то они во главе с К. 1-го р. Китицыным, которого наш адмирал назначил комендантом форта, очень помогли нашему устройству.

Пришло время ужина и лихой гардемарин сыграл сигнал: бери ложку, бери бак... нам дали тарелку супа из коричневой фасоли с маленьким кусочком мяса и куском хлеба, было вкусно, благо повар, по морскому «кок», был взят с эскадры и мы совсем пришли в себя после невзгод этого дня, весело разговаривали с принявшими нас так радушно гардемаринами — нашими можно сказать старшими братьями. Прозвучал сигнал «на молитву». Была пропета вечерняя молитва. Де-

журный офицер пожелал всем спокойной ночи и мы разошлись по нашим казематам, чтобы крепко заснуть ни о чем не думая. Это была первая ночь на африканской земле.

НА ФОРТУ «ДЖЕБЕЛЬ КЕБИР»

Близится утренний рассвет, но южное небо еще черно, с чуть синеватым оттенком. Яркие звезды начинают постепенно меркнуть. На плоской вершине, возвышающейся над городом Бизертой, горы Джебель Кебир (по арабски: Большая гора) прячется форт французской береговой обороны. По прибытии в Бизерту, в январе 1921 г., Морской Корпус был размещен в этом форту.

Август месяц самый жаркий в северной Африке.

Еще ночь, все спят крепким сном. Но вот небо начинает сереть и на востоке со стороны города Туниса над горизонтом появляется и быстро растет красно-розовая полоса и вдруг из моря выплывает яркое солнце. Часовая стрелка показывает шесть часов (часы еще с войны переведены французами на час вперед) и в этот момент под сводом длинной подворотни, а затем по темным подземным коридорам зазвучала «утренняя заря» — это дежурный горнист, гардемарин или кадет, играет побудку. Все сразу, как один человек, поднимаются. И минуты ведь нельзя терять, чтобы к молитве успеть одеться, умыться, постелить койку и навести кругом себя порядок: кстати, в умывалке находилось только восемь кранов на триста с лишним человек и многие поэтому запасались водой с вечера в пищевых баках, чтобы лить друг другу на руки кружками, избегая таким образом длинной очереди у кранов. Торопиться с туалетом принуждены были особенно те, которые из-за жары в казематах, служивших спальнями, выносили после «вечерней зари» свои койки на бруствер и устраивались на ночлег на свежем воздухе, не забывая захватить еще и одеяло из бараньей шерсти для защиты от возможных укусов скорпиона и сколопендры, кишивших летом в сухой траве и под камнями. При звуках побудки эти, наружи спящие, должны были схватить в охапку все спальное и стремглав мчаться в свой каземат и все привести в порядок как полагается.

В шесть часов 45 минут горнист уже играл «Сбор» по которому весь батальон выстраивается и выравнивается во дворе форта (положенный срок менее 2-х минут после сигнала).

Из дежурной комнаты выходит дежурный по корпусу офицер, лейтенант или мичман (при кортике и шарфе). Фельдфебель корпуса т. е. старшей роты командует: Смирно, равнение на-право! «Петь молитву», приказывает деж. офицер. Горнист исполняет сигнал «На молитву» и весь батальон поет «Отче наш», после чего дежурный офицер здоровается с ним и читает приказы по корпусу этого дня.

Камбус (кухня) во дворе форта

После его команды «Разойтись» горнист дает любимейший на флоте сигнал: «Бери ложку, бери бак и беги скорей на бак» (баком называется передний отсек палубы где едят и отдыхают матросы). Сигнал этот является сигналом на еду: кофе, обед и ужин. Все разбегаются по ротным помещениям откуда дежурные по бакам направляются, вооружившись ими, строем в камбуз (кухня на корабле) откуда приносят проголодавшимся порядком кадетам по кружке неароматной и едва сладкой жидкости, именуемой кофе и по 1/6 хлеба, что равно приблизительно 100 гр. черствого солдатского хлеба. За весь день получали пол буханки на человека (что равно 300 гр.). Но никто не ворчал, дисциплина, возраст и зверский аппетит действовали так, что все поглощали со смаком, ни крошки и ни капли не теряя. Надо добавить что по прибытии в Бизерту,

мы первое время получали от французского интендантства паек арабского солдата затем через несколько месяцев нам повысили на паек французского солдата, стало немного лучше, а еще через несколько месяцев на паек французского матроса, опять стало лучше, но все же недостаточно по нашим молодым аппетитам (паек хлеба не увеличивался). Дело в том, что кроме еды у нас были еще и другие потребности, как обмундирование, ведь мы прибыли в защитного цвета пехотном английском обмундировании, уже за год пребывания в Севастополе изрядно изношенном. Учебная часть тоже требовала инвестиций. Наше начальство поэтому просило французское интендантство выдавать деньгами эквивалент нашего пайка.

После утреннего завтрака нужно было приготовиться к предстоящим строевым занятиям: одевались черные морские подсумки (патронташи) через левое плечо, разбирались из козел винтовки и прочее.

В 7 часов 30 минут горнист играл «движение вперед» и батальон по нему снова выстраивался во дворе, куда к этому времени приходили корпусные офицеры из их помещений в лагере Сфаят (в расстоянии 1-го километра). Ротные командиры здоровались каждый со своей ротой и вели их строем на строевые занятия или гимнастику, производящиеся на плацу за фортом. Гимнастическая площадка была снабжена турником, параллельными брусьями, кобылой и другими приборами. Были также разбиты площадки для игры в футбол и воллейбол: надо здесь указать, что среди воспитанников корпуса было не мало отличнейших гимнастов, исполняющих труднейшие упражнения на турнике и брусьях, а также по бегу, прыжкам, метанию копья и ядра. Но наше начальство обращало особое внимание на строевое учение, на которое уделялось много времени. На плацу проходили постепенно: одиночное обучение, как следует отдавать честь с «печатанием», становиться во фронт и т. д. Учебный шаг под барабан, потом в сомкнутом строю, взводное, ротное и наконец батальонное с разными перестраиваниями до прохождения церемониальным маршем, не говоря уже о различных ружейных приемах.

Руководил этим учением Помощник Начальника Строевой Части Гвардейского Экипажа, ст. лейт. Б. В. фон Брискорн, и не удивительно, что оно исполнялось по традициям Императорской Гвардии.

Для полевого обучения в рассыпном строю уходили в местность более пересеченную, покрытую кустарником, где наступали на «противника» идя цепью и «стреляя» с колена и лежа, перебегая от одного прикрытия к другому и кончая атакой с дружным криком — ура!

К 9-ти часам все должны были вернуться на форт: роты строились и каждая трогалась в обратный путь. Раздавалась команда «Запевалы перед второй взвод» и затем «Песни петь»: по команде «Шагом марш». Рота двигалась под различные

Строевые занятия

строевые песни как «Вдоль да по речке», «Пошли девки на работу», «Есть много войска у царя», «Взвейтесь соколы орлами», «Скажи ка дядя ведь не даром Москва, спаленная пожаром...» да всех и не перечислить. Все роты пели отлично и между ними было некоторое соревнование в этом искусстве.

Но вот у края дороги показывается статная фигура Начальника Строевой Части кап. 1-го р. М. А. Китицына, Георгиевского Кавалера (Кавалер Георгиевского Оружия). Командуя в Черном море, во время 1-ой мировой войны, подводной лодкой «Тюлень» Кап. 1-го ранга Китицын крейсировал под Анатолийскими берегами на близком расстоянии от турецких батарей. Находясь постоянно под водой, он лишь временами пока-

зывал свой перескоп над водой и вдруг обнаружил большой турецкий военный транспорт, идущий вдоль берега под защитой турецких батарей. Спрятав немедленно перескоп, точно расчитав расстояние и курс, Китицын пошел на сближение с неприятельским судном и всплыл в 100 метрах от него со стороны берега.

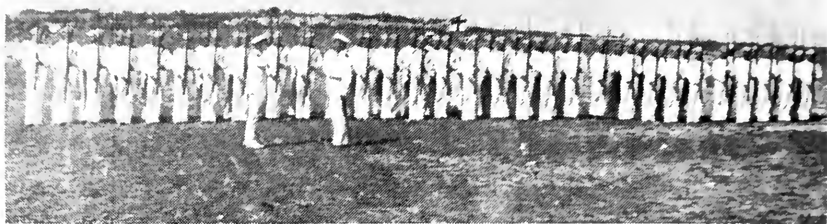
Это оказался «Родосто» вооруженный орудиями и везший на кавказский фронт снабжение турецкой армии.

«Тюлень» сразу же открыл огонь из своих двух 75 миллиметровых орудий и пулемета, конечно без промаха. «Родосто» также открыл огонь из своих орудий более крупного калибра, но огонь был беспорядочный вследствие неожиданности нападения. В результате на «Родосто» вспыхнул пожар, началась паника и кончилось тем, что он сдался, подняв белый флаг и спустив турецкий. Со своей стороны турецкая береговая батарея не могла ему помочь, рискуя потопить его своим огнем. Приблизившись на 50 метров, Китицын приказал туркам спустить трап и послал на «Родосто» призовую команду из 10 матросов и офицера, который разоружил турок и оказавшихся там немецких офицеров и взял курс на Севастополь в сопровождении маленького «Тюленя».

По радио Китицын отправил Командующему Флотом телеграмму: «Веду взятый в плен турецкий транспорт». Через два дня весь Севастополь с ликованием встречал входящего «Тюленя» и в кильватер ему огромного «Родосто», полного боевого снаряжения.

Раздается команда «Смирно, равнение на-право» командующего ротой, песня обрывается, все головы резко поворачиваются лицом к встречному, ноги «печатают» с носка, штыки выравниваются, равнение безукоризненно, на приветствие «Здорово» (такая-то рота) кап. 1-го р. Китицына рота лихо и раздельно отвечает «Здравия желаем господин капитан первого ранга». «Продолжать петь» отдает приказание Начальник Строевой Части и прерванная песня раздается снова.

Вдоль дороги идут группами преподаватели из лагеря Сфаят, где они жили, в классы на форт, шагающие роты их обгоняют. Несмотря на то, что в большинстве это были люди штатские, они сжились со своими учениками и полюбили их. Они с улыбкой любуются своими воспитанниками идущими в строю с сияющими глазами и раскрасневшимися лицами. Нормально ли это? Почти все были внезапно оторваны от семей и род-

Строевой смотр гардемаринской роты

ного дома и их лица должны были бы быть печальны. Тот же кто понимает скажет что суть заключается в русском военном воспитании, применявшемся в Русской Армии и Флоте, создавшем наших чудо-богатырей и славное прошлое нашей военной истории: большое одухотворяющее значение несут с собой вековые традиции и, надо сказать, молодецки исполненная военная песнь в строю.

Начальство наше хорошо понимало это и поэтому обратило особое внимание на военное обучение, отвлекая мысли юношей о Родине и семье так неожиданно покинутых. В самом деле, они с летних каникул 1920 г. вернулись в октябре для занятий в Корпус и думали уже о прелести рождественского отпуска, как грянула неожиданно эвакуация и грустный путь морем в далекую Африку; не суждено даже было как следует попрощаться с близкими, покинутыми в большинстве случаев навсегда.

И вот роты одна за другой с песнями, каждая поет свою, входят в ворота форта, где во дворе, по команде «стой — разойтись» песня замолкает и все разбегаются по своим казематам, ставят винтовки в козлы и вешают подсумки на место. В этих помещениях под землей чувствуется приятная прохлада после пекущего уже африканского солнца.

В 9 часов слышится сигнал «движение вперед», означающий начало первого урока и, приведя себя в порядок, воспитанники расходятся по классам. До обеда было три урока по 50 минут и после него еще 2, от 14 до 16 часов.

В 11 часов 50 м. горнист играл «отбой» конец третьего урока и в полдень раздается знакомый сигнал «бери ложку...» дежурные по бакам идут строем на кухню и получают харч, состоящий из похлебки с кусочком мяса и $^1/_6$ солдатского

хлеба, конечно для наших молодых желудков этого было недостаточно и когда, не часто правда, давали добавку, то дежурные по бакам летели за ней. По окончании обеда давался отдых и можно было поваляться и поболтать между собой. Ученье в классах шло гладко и успешно так как педагогический состав был исключительно высокого уровня, и в момент эвакуации весь учебный персонал находился на месте. То же следует сказать и об офицерском составе начиная с вице-адмирала А. М. Герасимова, известного знатока морской артиллерии, героя Порт-Артура и строителя крепости Петра Великого. Крепость Петра Великого, построенная перед самой 1-ой мировой войной, под руководством адм. Герасимова, защищала с моря вход в Финский залив и, благодаря ней, немецкий флот в начале войны, пока еще не вошли в строй строющиеся русские дредноуты, не смог прорваться в Финский залив и угрожать Петрограду, так как если бы не было этой крепости, то немцы могли бы протралить минные поля.

Вице-адмирал А. М. Герасимов, во время эвакуации, был назначен директором Морского Корпуса, вместо контр-адмирала Ворожейкина.

Вице адмирал Герасимов со старшей IV кадетской ротой

С учебными пособиями поначалу было туго, каждый старался записать курс преподавателя, но постепенно оборудованная при Корпусе литография обеспечила учащихся печатными курсами всех предметов, очень ценными несмотря на грубую бумагу и расплывчатый шрифт.

Не вдаваясь в каждый изучаемый предмет и в личность преподающих их, дабы не растягивать текст, можно однако сказать, что программа образования кадет стояла на уровне какой был признан французскими властями для получения «башо» или аттестата зрелости по окончании кадетских классов.

При этом, необходимо отметить то усердие с каким воспринимали воспитанники все науки. Не удивительно поэтому, что многие из воспитанников Корпуса смогли блестяще окончить высшее образование во Франции, в Бельгии и других странах и сделаться известными специалистами по разным отраслям науки, а также сделавших карьеру во французском военном и коммерческом флоте.

Надо сказать, что при Корпусе, в эти времена, никакой прислуги не существовало, не считая правда поваров, занятых весь день кухней, и поэтмоу назначался каждый день дежурный взвод, выделяющий наряды, как для наведения чистоты во всех помещениях, службах и дворе, так и для помощи на камбузе поварам и дежурным дамам, заключающейся главным образом в чистке овощей и, главное, картофеля, а также колки дров на топливо.

Стирка белья производилась самими кадетами. Каждый стирал свое белье сам. Летняя форма после стирки старательно разглаживалась поочереди утюгом: по составленному расписанию, раз в неделю очередной взвод отправлялся вместо послеобеденных уроков к колодцу за полтора километра, где находилось приспособление для стирки, только когда в жаркое лето, колодезь пересыхал, взвод не без радости отправлялся уже за шесть километров к берегу моря, где втекала в него речка, позволявшая не только стирать, но и по близости купаться, рядом с сохнущим на чистейшем песке бельем. Раз в неделю была большая приборка, когда койки и все вещи выносились на двор, чтобы тщательно обмести потолки и стены, а пол вымыть при помощи швабры и дезинфекционных продуктов. Роты, помещенные в бараках, спали на деревянных топчанах в которых временами заводились клопы и чтобы их уничтожить принимались радикальные меры: каждый собст-

Строевой смотр V кадетской роты. 1924 г.

Смотр производит Генерал Завалишин

венник топчана вооружался палкой, часто просто шомпалом винтовки, с привязанной на конце тряпкой, пропитанной керосином и зажженной, старательно обжигал свое ложе, из которого сыпались с треском клопы, наши ночные вампиры.

Белье и обмундирование чинилось, само собой разумеется, носителями его и для этого хозяйственная часть выдавала периодически иголки и нитки, так же как и ваксу для чистки сапог с требованием иметь опрятную одежду и обувь «как зеркало», а иначе лишний наряд или 2 часа «под винтовку».

Наказания под винтовку заключались в стоянии смирно с винтовкой «на плечо» в течение часа, а чаще двух подряд во время отдыха. Они сыпались за малейшую неточность в выправке, отдании чести и т. д. так что перед комнатой дежурного офицера, ответственного за отбытие наказаний, можно было каждый день любоваться шеренгой в десять, а то и больше «винтовочников» стоящих на вытяжку. Правда, эти «жертвы дисциплины», в отсутствии начальства поблизости, разминали застывшие ноги и некоторые ставили приклад на «шпаргалки», заранее приготовленную деревяшку у пояса.

В 18 часов звучал сигнал на ужин и повторялась та же процедура с торопежкой дежурных по бакам, стояние их в очереди у походной кухни, раздача по тарелкам супа или каши с $^1/_6$ хлеба, как и в обед. Никакого вина или прочего питья не выдавалось, также как и сладкого или просто фруктов и неизвестно откуда наш молодой организм получал необходимые ему витамины, но в те времена о них ведь едва знали. Правда, в праздничные дни воспитанники получали по кружке отвратительного «пинара», но все его пили с большим удовольствием.

После ужина и до вечерней молитвы в 21 час приготовляли, заданные в классе, уроки и царила всюду полная тишина, так как к учению относились серьезно. На молитву батальон выстраивался, как полагалось, во дворе — горнист играл сигнал и все пели «Отче Наш», «Спаси Господи люди Твоя...», «Богородице Дево радуйся». Дежурный по батальону офицер желал всем спокойной ночи и командовал «разойтись».

До 22 часов, момент долгого и мелодичного сигнала горном Вечерней Зари, можно еще было «зубрить», но большинство развлекалось , занимаясь своим делом или игрой, г. о., в шахматы. После «Вечерней Зари» должны были ложиться спать и всякий даже малейший шум строго запрещался; правда, с особого разрешения дежурного офицера особенные «зубрилы»

могли заниматься в классе, но только до полуночи, да и сами они уж больше не могли бодрствовать.

Итак, с 24 часов все спали крепким сном после солидной дневной нагрузки, кроме дежурных по роте со сменами до утра.

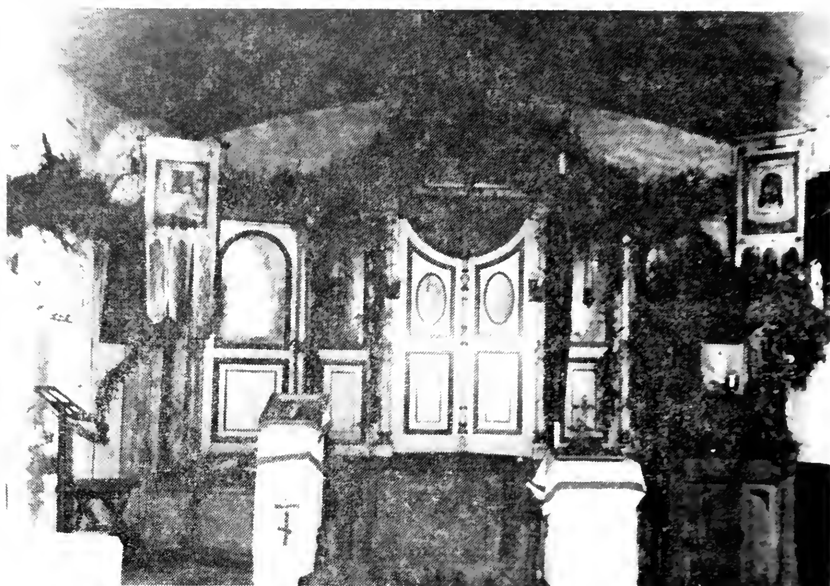
Так проходили будние дни, а в воскресение и праздники был отдых и церковные службы. В субботу всенощная, в воскресение, в 10 часов, литургия совершалась в корпусной церкви, устроенной в одном из казематов. Иконостас и вся церковная утварь были вывезены из Севастополя.

Нашим настоятелем был о. Георгий Спасский, известный своими проповедями и очень любимый своей паствой еще в России; он имел сан митрофорного протоиерея. Пел в церкви многочисленный из гардемарин и кадет хор. Над церковью была устроена колокольня, состоящая из двух столбов, врытых в землю так как все наши помещения сверху были покрыты толстым слоем земли, и перекладины на которой висели поначалу медные гильзы разных размеров, впоследствии замененные настоящими колоколами; были из воспитанников и звонари, ловко исполняющие настоящий русский перезвон.

Вспоминается особенно ярко Пасхальная Заутреня, так торжественно исполняемая в нашей африканской обстановке, близкой к библейской. В этот великий праздник все чины Корпуса были одеты в белую форму, по летнему, помещения и двор были чисты и украшены по мере сил и возможностей, создавая праздничную атмосферу.

В пасхальный день побудка, не такая ранняя как обычно, исполнялась не горнистом, а полным духовым оркестром во дворе форта и ее звуки распространялись на все спальные помещения; вместо нудной «вставай чудила...» извергаемой горном, эта праздничная побудка на самом деле имела торжественный бравурный мотив. Паек в этот день выдавался сильно улучшенным количественно и даже качественно, с кружкой вина и порцией десерта. А колокола наши, по московски трезвонили почти без перерыва весь день, да и в понедельник и во вторник.

Надо сказать, что всю Страстную неделю совершались службы в нашей церкви и все воспитанники обязательно присутствовали на них, говели, а пища готовилась на камбузе, по мере средств великопостная. Но вернемся к описанию Пасхальной Заутрени, с большим величием и красотой совершавшейся о. Георгием Спасским.

Церковь на форту "Джебель Кебир"

Во рву окружающем форт, глубиной около 8 метров и столько же шириной, выстраивался батальон, в белом и с винтовками, офицеры при саблях и шарфах с оркестром на правом фланге. При лунном свете это зрелище в старом форту и в рамках африканского ландшафта создавало величественное, и скажу глубокое впечатление, напоминая древние времена.

В подворотне форта стоит толпа русских людей пришедших как со стоящей на рейде эскадры, так и из соседних лагерей, и принесших с собой узелки с крашеными яйцами, а кто и с самодельным куличиком. Все они молитвенно ждут выхода из церкви Крестного Хода так как в церкви не хватает места, освящение яиц будет происходить на столах покрытых белой скатертью и полевыми цветами, поставленных около церкви. И вот из конца длинного коридора показывается Крестный Ход с хоругвями, по бокам идут кадеты несущие свечи.

Все громче и громче слышна дивная пасхальная стихира: «Воскресение Твое Христе Спасе, ангели поют на небесах...» Медленно и торжественно двигаясь Крестный Ход проходит подворотню и направляется в ров к выстроенному батальону и как только он поравнялся с батальоном раздается команда:

«Для встречи слева, батальон, слушай на караул» разом щелкают винтовки со штыками и сверкают офицерские сабли и и одновременно все головы поворачиваются в сторону приближающегося Крестного Хода, оркестр тихо играет «Коль славен Господь в Сионе...» Крестный Ход с пением, с зажженными свечами, хоругвями, иконами медленно идет вдоль фронта. За духовенством идет наш адмирал и весь офицерский состав в парадной форме, а затем преподаватели и служащие с их семьями. Около 30 кадет несут импровизированные факела освещая путь.

С колокольни несется среди тихой ночи пасхальный перезвон, дополняя звуки хора и оркестра что создает действительно пасхальную симфонию, такую близкую русской душе.

Пропустив шествующее начальство, батальон перестраивается, берет винтовки на плечо и во главе с оркестром играющим Коль славен... присоединяется к Крестному Ходу, который обойдя весь форт по рву возвращается в церковь, где начинается Пасхальная Заутреня. С большим праздничным подъемом поет смешанный хор под управлением ст. лейт. Круглика-Ощевского, командира 5-ой роты.

Коридор ведущий к церкви переполнен людьми ловящими звуки пасхальных приветствий священника: «Христос Воскресе» и песнопений хора. Слышится радостный ответ «Воистину Воскресе». По окончании заутрени батальон со своими офицерами выстраивается во дворе форта: перед строем появляется адмирал. Китицын командует «смирно» все замирает, офицеры отдают честь. «Поздравляю вас со Светлым Праздником, Христос Воскресе»! слышен голос адмирала и тотчас же гремит в ответ «Воистину Воскресе»!. Адмирал проходит вдоль фронта всех рот и христосуется с офицерами и с каждым из десяти примерно воспитанников.

По команде «разойтись» воспитанники христосовались между собой, со своими офицерами и отправлялись в свои ротные помещения разговляться. Здесь все было украшено полевыми цветами и пальмовыми ветвями — столового зала ведь на форту не было из-за недостатка места (позже он был устроен в бараке лагеря (Сфаят). Ротные офицеры обыкновенно объединялись за пасхальным столом со своими воспитанниками и велись разговоры. Это было необычайно интимно и по дружески.

Пасхальный стол

В Пасхальное воскресение, встав поздно, шли обычно гулять после обедни и попросив отпуск многие спускались в г. Бизерту, где на внутреннем рейде стояла наша эскадра. На многих кораблях еще сохранился персонал и среди него находились знакомые и даже соплаватели, так как многие воспитанники корпуса успели поплавать летом 1920 г. на военных судах, участвовавших в Черном море в борьбе с красными.

Вообще в свободное время любили играть на воздухе в футбол и волейбол, или шли на пляж купаться, а были также любители природы и естественной истории.

Это они охотились на разного рода пресмыкающихся и насекомых в кустах и под камнями, снабжая естество-исторический кабинет всякого рода змеями, ящерицами, скорпионами, сколопендрами, бабочками, жуками и прочим, всего не перечислить.

По вечерам ища прохлады, взбирались на вершину форта и хором пели русские песни. При луне открывался волшебный вид на все стороны горизонта, половина его занята морем, из которого тянется канал в озеро и на канале лежит Бизерта, видимая по множеству огней; за озером мелькают огоньки Ферривиля, с французским морским арсеналом, а дальше по

горизонту видны горы. Но наши взоры, как и мысли, тянулись туда на северо-восток, где за морем лежала Италия, за ней Балканы и еще дальше вплоть до Японского моря, необъятная, наша дорогая и любимая Родина Россия...

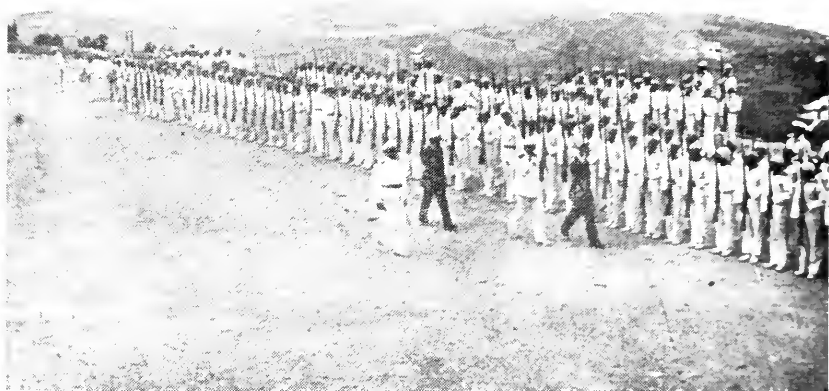
ТОРЖЕСТВА

ГАНГУТСКАЯ ПОБЕДА 27 ИЮЛЯ 1714 ГОДА.

Самым главным, чисто морским и глубоким по содержанию торжеством, было празднование Гангутской Победы, имевшей место 27-го июля 1714 г. Это была первая, русская, крупная, военно-морская победа у Гангутского мыса, тогда еще совсем молодого русского флота, только несколько лет до того основанного Петром Великим, над гораздо более мощным и испытанным шведским флотом. Это была первая победа под флагом Св. Андрея Первозванного. Сам царь командовал авангардом и взят был в плен шведский адмирал Эренсгольд, командующий шведским галерным флотом. Победа эта имела тогда колоссальное значение в политическом и военно-стратегическом смысле, а главное в создании военно-морского духа в нашем новорожденном флоте. Петр Великий тогда повелел Русскому Флоту в день 27-го июля ежегодно праздновать эту победу и мы свято и с гордостью соблюдали этот царский указ.

В Бизерте на этот день к нам на форт приезжали ком. эскадрой контр-адмирал М. А. Беренс с нач. штаба К.-адм. Тихменьевым и другие начальствующие лица, а накануне вечером тоже для участия в параде, прибывала рота, находившаяся в плавании на «Моряке». После торжественной Литургии, весь батальон в белой форме с винтовками и офицерами в шарфах и при саблях, выстраивался развернутым фронтом на плацу перед выходом из форта, лицом к форту, с оркестром музыки на правом фланге, а перед оркестром три фанфарнста с фанфарами на толстых красных шнурах через плечо с большими красными кистями и Андреевскими флажками на фанфарах, а еще правее команда барабанщиков. Когда все было выстроено и выровнено был торжественный вынос знамен. У нас было два знамени. Георгиевское знамя 28-го Черноморского флотского экипажа пожалованное за Севастопольскую оборону с

двумя серебряными георгиевскими горнами на толстых шнурах с кистями георгиевских цветов, сами горны обвиты георгиевскими лентами с георгиевскими крестами на них, и знаменный флаг 3-го морского адмирала Корнилова полка. Эти знамена, вывезенные из Севастополя, были к.-ад. Беренсоном переданы морскому корпусу.

Гангутский парад 27-7-1921 года

«Под знамена, слушай на караул» — раздается мощный голос кап. 1-го р. Китицына, который в таких торжественных случаях лично командовал парадом. Батальон берет на караул, блестят на солнце обнаженные офицерские сабли и начищенные оконечности штыков. Оркестр играет встречный марш. Из ворот форта медленным церемониальным шагом, ступая через такт «печатая с носка» выходит адъютант корпуса с аксельбантами, держа руку под козырьком фуражки, а левой рукой придерживая за ножну свою саблю, за ним следом так же «печатая» идут один за другим два знаменщика, первый с Георгиевским знаменем, а второй со знаменем 3-го морского адмирала Корнилова полка. И так они медленным церемониальным шагом проходят вдоль фронта всего батальона и становятся на правом фланге головной роты и к ним салютуя саблями подходят и становятся с двух сторон (по бокам) два

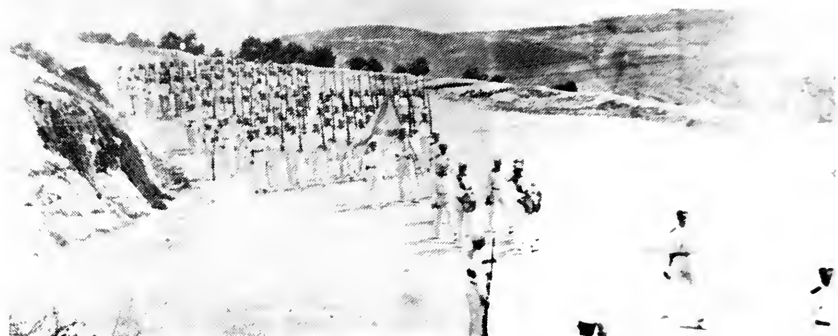

Гангутский парад 1922 года

мичмана-ассистента, а по бокам от них два гorниста с георгиевскими горнами.

После этого из тех же ворот выходят командующий эскадрой с директором корпуса и начальником штаба эскадры, другие начальствующие лица и гости, персонал. К. 1-го р. Китицын снова командует «Батальон для встречи слушай, на караул». Оркестр играет встречный марш и сам Китицын держа саблю под высь идет навстречу адмиралу и салютуя саблей рапортует командующему эскадры: «Ваше Превосходительство представляю Вам парад Морского Корпуса». Приняв рапорт командующий эскадрой здоровается с батальоном и обходит фронт.

В это время из ворот форта выносят аналой и устанавливают его на плацу, лицом к воротам форта. Выходит священник с дьяконом и вызываются вперед к аналою церковные певчие. Команда: «На молитву, шапки долой»! и начинается панихида по павшим в Гангутском бою морякам. По окончании панихиды и провозглашения «вечной памяти» батальон отходит в сторону вверх по дороге где, перестроившись во взводную колонну, занимает положение для прохождения церемониальным маршем.

Церемониальный марш

Во главе всей колонны, впереди становится командующий парадом Кап. 1-го р. Китицын за ним адъютант корпуса, за ними барабанщики и горнисты, за барабанщиками командир головной роты, за ним выстроившись в одну шеренгу два знаменщика справа и слева от них два ассистента, а по бокам от них горнисты с георгиевскими горнами и лишь за ними первый взвод головной роты. Оркестр становится против адмиралитета только по другую сторону плаца так, чтобы оставить достаточно места для прохождения батальона церемониальным маршем, а за ним часть французских войск, которых присылали смотреть на парад.

«Линейные на линию!», раздается команда по которой линейные выбегают со своих мест в строю, а их имеется по одному в каждой роте, и у каждого на штыке его винтовки одет флажек со значком его роты, — они становятся по краю пути по которому будет дефилировать батальон. Но на определенном заранее отмеренном и отмеченном на земле расстоянии друг от друга и точно выравниваются в одну линию, по ним будет равняться батальон во время церемониального марша.

«К церемониальному маршу батальон на плечо!» Весь батальон как один человек берет винтовки на плечо, а офицеры

сабли. «По взводно, на двухлинейную дистанцию — равнение направо, первый взвод!» — раздается команда командующего парадом, по которой командир первого взвода головной роты, стоящий на правом фланге своего взвода идет печатая и становится позади знаменщиков, но по дороге громко командует так чтобы слышал весь батальон. «Первый взвод равнение направо!» поворачивается лицом к своему взводу — «Шагом» и опять поворачивается кругом лицом к предстоящему движению и громко командует «Марш», тут его команду исполняет весь батальон, все приходит в движение: барабанщики бьют, «Поход» и сразу все полным шагом с места движутся вперед, но следующий за 1-м и 2-ой взвод доходит только до места на котором только что стоял 1-ый взвод и продолжает как и весь батальон держать шаг на месте пока 1-ый взвод не дойдет до второго линейного. Тогда командир 2-го взвода командует «Прямо» и продолжает движение вперед, а 3-ий взвод занимает место 2-го и т. д.

Барабанщики идя впереди бьют в барабан одно музыкальное колено, оркестр ждет. Под конец колена старший барабанщик, идущий впереди своих барабанщиков высоко над головой поднимает правую руку держа в ней вертикально барабанные палочки и при конце колена перед последним тактом резко опускает руку — барабаны замолкают, а оркестр подхватывает марш. Причем обязательно нужно, чтобы оркестр вступил под левую ногу, иначе все начнут сбиваться с ноги и как говорят «терять ногу». У нас на парадах обычно гремел фанфарный марш, под который император Александр 1-ый в 1814 году вступил в Париж или «Старые друзья».

Итак взводы, идя развернутым фронтом на двухлинейном расстоянии один от другого, соблюдая идеальное равнение штыков, носков, подбородков, размах правой руки вперед до шейки приклада, а назад до отказа, проходили мимо начальства «пожирая его глазами». Адмирал благодарит или хвалит каждый взвод при прохождении мимо него в ответ на что раздается дружное «Рады стараться, Ваше Превосходительство». Пройдя еще дальше шагов сто взводы для удобства перестраиваются в колонну по отделениям и идут обратно на свое исходное положение. Теперь снова будет прохождение церемониальным маршем, но не по взводно, как было только что, а всем батальоном сразу, что дает более величественную картину. После этого батальон выстраивается на своем первоначальном

месте на плацу перед входом в форт. Ком. эскадрой благодарит за парад, уносятся знамена и роты расходятся по своим казематам и распускаются.

Этим официальная часть заканчивается. Следует праздничный обед, после которого все свободны, кто хочет может идти в отпуск, а кто хочет просто гулять или зубрить.

6-ое НОЯБРЯ

ПРАЗДНИК МОРСКОГО КОРПУСА

Как в Императрской России так и в рассеянии по странам земного шара Шестое Ноября — для нас не простая дата, но память обо всем что было встарь. Шестого ноября — на праздник наш когда-то в наш корпус приезжал покойный Государь и перед пращуром чьей Волей Монаршей основан корпус наш за двести семьдесят пять лет назад

Под звон и гром столетних русских маршей
Сам с Царевичем Алексеем, наш принимал парад
И все величие Империи стояло в статус Великого Петра!
И на своих цепях дрожали своды зала
От гимна русского и русского УРА!

—

В столовый зал, на серебряных блюдах
Вплывал торжественный гусь
И за ряды столов, уставленных по залу
В исполнении традиции морской
От мальчиков кадет до дедов адмиралов
Мы все усаживались дружной семьей

—

«Проходит все — и нет ему возврата,
Родная быль далеким стала сном.
Где корпус наш, взрастивший нас когда-то?
Где Белый Стяг с Андреевским Крестом?
Но милостью Своей Господь нас не оставил
И по чужим морям блуждающих в потьмах
Ко сроку приведет нас Исповедник Павел
В наш порт ко Спасу на водах!

отрывок из поэмы "Шестое Ноября" Н. А. Мусина.

Так было встарь, в Петербурге, а вечером в зале Морского Корпуса, вмещавшем более 5000 человек, был знаменитый бал, которым открывался Петербургский зимний бальный сезон, на который каждая барышня достигшая 16-тилетнего возраста мечтала быть приглашенной, чтобы Морской бал был первым балом в ее жизни, это был ее выход в свет.

Празднование этого дня в Бизерте конечно нельзя сравнить с тем что было в Петербурге, но все же было очень торжественно.

Праздник 6-го Ноября был совершенно особенный. С утра во главе с адмиралитетом съезжались в корпус все офицеры с эскадры из Бизерты и из окрестностей и даже из Туниса, в зависимости от того где кто устроился на службу. В этот день было особое настроение — особый дух, особое чувство, можно сказать даже — таинственное чувство связанное с историей нашего корпуса, нашего флота — мысленно вспоминались картины морских боев. В 1-ый год после нашего прибытия в Бизерту была приглашена на праздник офицерская рота Корниловского полка — каким-то случаем попавшая сюда же с нашей эскадрой и размещенная в одном лагере в 4-х км. от нас. Нужно отметить что Корниловцы пришли к нам на форт строем — и ушли тоже строем.

В 10 часов было начало церковной службы, а затем на нашем плацу перед фортом в присутствии начальства был парад, по тому же церемониалу как и в день празднования Гангутской победы.

Сначала вынос знамен — встреча командующего эскадрой — адмирал здоровался с батальоном и поздравлял с праздником. Затем молебен о здравствующих и поминовение державного основателя корпуса Императора Петра 1-го и последовавших за тем шефов корпуса, в море и боях погибших и скончавшихся моряков, а после этого — наконец парад, к которому мы так старательно готовились. Зрителей и офицеров собралось много, все это люди сведущие — понимающие — сами прошедшие в корпусе ту же школу что и мы.

Парад проходит безукоризненно. Адмирал благодарит. Опять команда «На караул» уносят знамена, парад окончен — со всех сторон слышны одобрения офицеров. Роты, одна за другой, уходят на форт где их распускают. Затем следует обед с традиционным гусем. Традиция эта ведется со времен императрицы Анны Иоанновны приславшей на наш праздник

100 гусей в подарок корпусу и с тех пор эта традиция соблюдается.

В Бизерте, как вообще в Северной Африке, гусей разводят мало и потому достать их трудно и закупать их надо заранее, поэтому последние месяцы перед праздником, чтобы закупить все что нужно для угощения гостей наша хозяйственная часть проводила экономию, что вполне понятно отражалось и на нашем питании — но никто из нас не роптал, зная что это делается ради нашего праздника. Обедали все вместе. Во рву порта, за поворотом рва, чтобы было уютнее и не было видно посторонним случайно проходившим. Обед затягивался, а по окончании его начинался разъезд гостей, но еще долго после обеда по окрестным дорогам гуляли группы гостей, которые разговаривали с гардемаринами и кадетами. Кто хотел мог идти в отпуск.

Вечером в нашем скромном помещении был бал, играл корпусной оркестр, были гости, дамы из лагеря Сфаята и из Бизерты. Бывали тоже и французские офицерские семьи. Так заканчивался наш праздник.

НА «МОРЯКЕ»

Прямо руль и так держать!
Морской Корпус дал нам направление
И никогда не смей вилять!
То предков наших повеление.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ.

Учебное судно «Моряк» служившее с большим успехом для практики воспитанников Морского корпуса во время его прыбевания в Бизерте заслуживает краткого описания его характеристики и его истории до получения его корпусом. До войны 1914-18 года оно носило название баркантина В. К. Ксения Александровна — водоизмещением 700 тонн была построена в 1904 г. на Сормовском заводе для практики сначала в Бакинском Мореходном Училище затем в Мариупольском. Это тип парусного судна имеет три мачты с прямыми парусами на фок-мачте (передней) и косыми на грот (второй) и бизань (третьей) мачтах всего 14 парусов с общей площадью

в 9000 фут. Кроме того судно имело паровую вспомогательную машину в 120 индикаторных сил и два котла, угольный и нефтяной, для практики будущих моряков. Прибавим, что длина его стального корпуса была 175 фут, ширина 30 и осадка около 12 фут. Помещение для экипажа, кубрики, было расчитано приблизительно на 100 человек.

Во время войны это судно, повидимому во время плавания заграницей, застряло в Пирее и только во время нашей эвакуации могло было быть введено в состав флота. Командующий флотом сразу же предназначил «Свободу», название полученное «Ксенией» с 1917 года, в распоряжение корпусного начальства и вся наша гардемаринская рота была на нее назначена.

Несмотря на ветхость механизмов, и вообще большую запущенность, набор парусов был в полном порядке, а это было самое важное. Под командованием ст. л. Рыбина гардемарины прежде всего вычистили и привели корабль в должный вид, затем занимались парусным обучением на стоянке и даже во время небольших походов в море.

Они мечтали совершить далекий еще путь до Бизерты (куда направляли наш флот вместе с корпусом наши попечители французы), совершенно самостоятельно под парусами и старались чтобы их судно было в абсолютной исправности. Но командующий эскадрой Вице-Адмирал Кедров, принимая во внимание обнаруженное отсутствие свинцового балласта, необходимого в случае шторма и ветхость котлов и машины, приказал кан. лодке «Страж» взять «Ксению» на буксир. В пути у «Стража» во время шторма случилась авария с машиной и «Ксения» была доведена до места назначения, т. е. бизертского внешнего рейда, на буксире у флагманского корабля, крейсера «Ген. Корнилов», не без перипетий во время державшейся штормовой погоды, как разрыв буксирных тросов и риск столкновения.

Наш корпус, находившийся в своем большинстве на л. к. «Генерал Алексеев», пришедшем в Бизерту на неделю раньше, с восхищением наблюдал прибытие назначенного ему белого трехмачтовика, медленно проходящего мимо на буксире, чтобы стать на якорь в просторном бизертском озере.

Как только Морской Корпус был устроен на берегу «Ксения», получившая здесь имя «Моряк» стала служить всем его воспитанникам базой для морской практики, а главное вос-

питания в духе традиций парусного флота. По очереди, все роты, гардемаринские и кадетские (их было шесть) прошли на «Моряке» минимум двухмесячный стаж, а кадеты дважды двухмесячный.

ДЕНЬ НА «МОРЯКЕ»

В шесть часов утра горнист играет побудку — ту же что и на суше: «Вставать койки вязать» звучит первая унтер-офицерская дудка *. Но здесь на корабле не только нужно встать но еще и койку свою «вязать» да и без промедления, т. к. сейчас последует новая дудка «Койки наверх».

Койка состоит из брезентного гамака, тонкого матрасика, стеганого с измельченной пробкой, подушки в виде валька, простынь и одеяла. Все это нужно очень аккуратно увязать получая в результате вид цилиндра довольно точных размеров, чтобы уместить его между другими в сетку т. е. полку идущую вдоль фальш борта. Эти же койки в случае аварии судна служат спасательными буйками, благодаря их пробковым матрасам. Шесть часов 30 минут. Сигнал «На молитву» и все выстраиваются на шканцах (место на верхней палубе между грот и бизань мачтами, откуда спускаются к воде трапы, считающееся священным на военном корабле). После пения всеми молитвы раздается сигнал «На еду» и дежурные по бакам бегут на камбуз за порциями чая и хлеба, причем сахар выдавался по субботам $^3/_4$ чашки на человека на всю неделю.

Вскоре после утреннего завтрака следует сигнал «Движение вперед» по которому команда, т. е. мы кадеты, должны заняться уборкой и чисткой, каждый своей заведываемой частью корабля. «Медь, железо чистить, палубу скатить, и пролопатить» раздается новая дудка и все бегут по своим местам работы. Сначала надо привинтить шланги к водяным кранам и в это время машинное отделение начинает подавать забортную во-

---

* **Примечание:** Боцманская или унтер-офицерская дудка это подобие музыкального свистка, по форме напоминающая курительную трубку и висящая на металлической цепочке посредине груди носящего ее. На ней сначала высвистывался определенный сигнал, подготовляющий матросов для выслушивания определенной команды или распоряжения начальства корабля. Находились виртуозы свистевшие как соловьи.

ду. Старший из группы окачивает палубу, остальные трут ее щетками с ручкой, потом проходят резиновыми лопатами выжимая воду так, что палуба делается почти совсем сухой и чистой, настолько, что на ней можно лежать в белом костюме совершенно его не запачкав.

Тросы бегучего такелажа, свободные концы которых уложены на палубе, убираются в сторону во время ее мытья, а по окончании приборки аккуратно укладываются в так называемые бухты, скручивая их спиралью в один или несколько слоев. Покончив с палубой кадеты принимаются за «медяшку» прозвище всех предметов из меди и латуни, которых на корабле множество, начиная от колпаков на компасах и кончая перилами трапов. Чистка совершалась толченым кирпичем на мокрой тряпке, называемой ветошь, для сдирания окисления от соленой воды, и наконец мелом в порошке для доведения поверхности металла до блеска. Приборка наконец закончена и необходимо привести себя в порядок так как близится церемония подъема флага.

Во всех флотах мира соблюдается общий обычай спускать флаг на кораблях в момент захода солнца и поднимать его в 8 часов утра. При случае стоящей на рейде эскадры, флаг поднимается на всех ее единицах по сигналу данному флагманским кораблем, что происходило и у нас на бизертском рейде.

В отсутствии Вице-Адмирала Кедрова, отбывшего в Париж, командующим эскадрой являлся Контр-Адм. Беренс державший свой флаг на эск. миноносце «Дерзкий». Наш вахтенный сигнальщик зорко следил за появлением на «адмирале» буквы Щ т. е. сигнального флага означающего подъем флага с церемонией или же двух Щ что значит без церемонии, иначе говоря, без вызова караула и оркестра. Подъем флага с церемонией производился по большим праздникам или в экстренных случаях.

В семь часов 55 минут вахтенный сигнальщик докладывает: «На адмирале два Щ до половины, значит подъем флага будет без церемонии. Наши сигнальщики тоже поднимают до половины сигнальный флаг «Н» означающий ответ флагману «ясно вижу», по этому сигналу вся команда корабля выстраивается вдоль борта. Без одной минуты 8 сигнальщик докладывает вахтенному офицеру «На адмирале флаг до места» т.-е. до самого рея, прибавляя по морскому уставу в зависимости

от чина: господин лейтенант или господин мичман доложив сперва суть дела и лишь потом добавляя чин тогда как в армии наоборот сначала титулируется чин а затем докладывается суть дела. Горнист играет повестку все стоят «смирно» и в момент когда на адмирале спускают с рей сигнал т. е. в 8 часов, вахтенный начальник командует: «Флаг поднять!» все снимают фуражки, горнист играет «На подъем флага» и не только у нас, но на всех кораблях эскадры адреевский флаг медленно поднимается вверх, создавая особенно торжественный момент. «Накройсь, разойтись!» командует нам вахтенный начальник.

И сейчас же дудка вахтенного унтер-офицера с выкрикиванием напр. «третья смена на вахту!» *) и затем следующая дудка «Кадеты на все гребные суда».

Шлюпки на воде пришвартованы к т. н. выстрелу, бревну идущему от борта стоящего на якоре корабля, перпендикулярно ей на известной высоте от выстрела идут к воде штормтрапы и шкентеля (веревочные лестницы и канаты с шариками) служащие для сообщения со шлюпками. В походе шлюпки убирались на ростры (это место на верхней палубе где устанавливаются шлюпки) и выстрелы притягиваются к борту правому или левому. Надо было иметь навык ходить по ним чтобы спуститься быстро в свою шлюпку и сесть на назначенное каждому в ней место. Шлюпки, отвалив от борта корабля, выстраиваются тотчас же в одну линию и, по сигналу с него, начинают усиленно грести. Это т. н. «Утренний прогон», когда пользуясь случаем, каждая шлюпка старается во чтобы то ни стало перегнать другие. Эта гонка кончается довольно скоро, т. к. обойдя какой-нибудь не далеко стоящий корабль, все шлюпки должны снова вернуться в порядке и стать на свои исходные места в ожидании начала гребного учения.

---

*) Смена происходила 5 раз в сутки и то в полночь, затем в 4 часа, в 8 часов, в 12 часов, в 18 часов и в 24 часа. Таким образом было две вахты по 6 часов и три вахты по 4 часа. Вахта от полночи до 4-х часов была самая утомительная т. к. больше всего хотелось спать, за что, если это случалось, очень строго карали. Вообще ни на какой вахте нельзя было спать и у нас этого никогда не случалось. Вахта эта издревле называлась "собака" потому что была самой бессонной — сменившись с нее в 4 часа утра спать оставалось меньше 2-х часов. Побудка общая была уже в шесть часов и нужно вставать и участвовать во всех учениях и работах. Ввиду того что смены происходили 5 раз в сутки то если "собаку" стояла 1-ая смена то в тот же день та же первая смена вступит на вахту в 18 часов и будет стоять до 24-х часов, а вторая смена будет стоять "собаку" а 3-я смена будет стоять от 4-х до 8 часов утра.

Надо упомянуть об особенностях русской гребли, сильно отличающейся от той которая практиковалась в иностранных флотах. Над иностранной греблей у нас смеялись, говоря что это не гребля, а просто «веслами воду месят», в то время как русская гребля отличалась размеренностью действия веслами и красотой, но требовала долгого обучения. Со стороны казалось, что это большая птица взмахивает крыльями, так стройно поднимались весла из воды и вновь в нее опускались. Главное же заключалось в двух сильных рывках весел выносивших шлюпку вперед, что имело огромное значение во время гонок; часто конкурируя с иностранцами, обычно русские перегоняли.

Интересно поэтому поводу описать следующий эпизод: летом 1920 года мы, кадеты, проходили так называемую «якорную службу» на, стоящих перед корпусом, старых миноносцах. Неподалеку стоял английский дредноут «Эйджекс» и во время наших шлюпочных учений мы часто огибали его. Англичане в эти часы также занимались греблей и мы заметили возможность с успехом соревноваться с ними. Такой случай представился, когда наш 16-ти весельный катер обычным курсом проходил мимо «Эйджекса» и поравнялся с его катером той же величины. Этот последний постарался лечь в метрах 10-ти от нас на параллельный нам курс и начал усиленно грести, постепенно увеличивая скорость, чтобы нас перегнать. Мы видим там гребцы сидят отборные, прямо таки силачи, ведь это настоящие матросы действительной службы и потому с большим перевесом физической силы по отношению к нам юношам в 15-16 лет и мы понимаем, что англичане специально выслали свою отборную команду чтобы померяться с нами и, победив, поднять престиж своего флота. «Ну что же можете обогнать?» звучит голос нашего взводного офицера бывшего с нами на катере, «если не ручаетесь, лучше не беритесь, не забывайте, что мы идем под Андреевским флагом». «Обставим» раздаются наши голоса, «тогда давайте, покажите себя». «Навались», командует старшина шлюпки. На их катере унтерофицер видно уже заслуженный, судя по знакам отличия, все время стоя на корме машет правой рукой в такт гребли и кричит: уон, ту, три, фор и т. д. у нас же на флоте это было не принято — так кричать и махать рукой выше головы. У нас старшина с достоинством спокойно сидит на корме на своем месте держит правой рукой румпель т. е. рукоятку руля

и только отдельными словами ободряет гребцов: «Навались» (это на весло) «Дай ход», «Привстань» (чтобы еще сильнее грести) работая всеми мускулами (и спинными, и брюшными и ручными) а ногами упираясь в сделанную на дне петлю, чтобы самому не перевернуться. Вот наконец мы догоняем англичан и идем наравне с ними. Англичане видя это начинают просто бешенно грести. Мы тоже наваливаемся что есть мочи. Наступает критический момент — мы уже знаем из практики, что тот кто теперь хоть на один метр опередит другого окажется победителем, т. ч. у команды той шлюпки, которая начала хоть немного отставать против воли гребцов падает дух и им уже больше не выгрести.

«Навались», «Поломай весла», «Умри» командует старшина (умри значит дай от себя больше чем можешь) и мы на пол метра опережаем англичан, старшина которых надрываясь кричит: уон, ту, три, фор, а у нас сами не знаем откуда взялись силы, мы наваливаемся и даем ход нашему катеру. Еще метр, громко сообщает наш офицер. Уже пол длины нашего катера!

Англичанин видя что их дело проиграно повернув руль направо отходит в сторону. «Суши весла» — победоносно и гордо раздается голос нашего старшины. Мы замираем и переводим дух, а весла как крылья у птицы, которая планирует в воздухе — расправлены в стороны параллельно поверхности воды. Наш катер по инерции несется дальше. «Спасибо за греблю!» раздается голос взводного офицера. «Рады стараться, господин ст. лейтенант!» гремит наш ответ. Мы кадеты в восторге, смотрим на большой развивающийся на корме нашего катера Андреевский флаг, честь которого мы с достоинством соблюли и смотрим так же жалостно на удаляющийся в сторону к своему кораблю английский катер под флагом владычицы морей, Великобританской Империи.

Кто из нас, кадет, пережил эти чудные минуты восторга, минуты эти не забываемы, они остались на всю жизнь, а все это благодаря применению нашей русской гребли.

Шлюпочное учение производимое по утрам, как на веслах так и парусное, но для этого необходимо было присутствие на рейде ветра. В самом деле, все корабельные шлюпки т. е. катера, вельботы, гички и шестерки были снабжены как веслами, так и мачтами с набором парусов.

Итак, после учения гребле, которое можно назвать утренней гимнастикой и заключавшееся главным образом в эволюциях шлюпок с разными перегруппировками если только замечался ветерок, то по сигналу с корабля приступали к учению под парусами.

Когда поднимался на его рее соответсвующий флаг по приказу командира «Моряка» ст. л. Максимовича, настоящего виртуоза управления парусами, на всех шлюпках, к большой радости кадет команда: «Суши весла, — весла убрать» и затем «рангоут ставить, паруса поднять». Надо быстро поставить мачты, которые, одна или две, в зависимости от типа шлюпки, всегда лежали в них на банках (сидениях), со свернутыми парусами и снастями, готовые в любой момент к их употреблению.

Услышав команду старшины, кадеты должны были за две минуты поднять мачты, вставить их в предназначенные им гнезда, натянуть и закрепить держащие мачты ванты и поднять паруса. В этот момент старшина должен был, как рулем так и положением парусов, дать шлюпке определенное направление и указать команде какой парус стянуть, а какой раздернуть, т. е. оставить не натянутым. Каждый из нас должен был научиться управлять шлюпкой под парусами и для этого мы по очереди занимали место старшины и под руководством офицера заведующего обучением управляли рулем и командовали всеми маневрами парусов.

Самое сложное было приставать под парусами к трапу корабля, не имея возможности парусами ни тормозить ни дать задний ход в то время как ветер несет шлюпку к кораблю с большой скоростью. Управляющий шлюпкой должен молниеносно расчитать силу и направление ветра и также силу и направление волны и быстроту движения шлюпки, чтобы во время начинать рулем менять направление шлюпки поворачивая ее против ветра и тем самым замедляя ее ход и во время скомандовать: «Паруса спустить» и действуя уже исключительно рулем, точно подвести корму шлюпки к трапу.

В этот момент один из гребцов на задней банке придерживает шлюпку у трапа ухватившись за него крюком, а другой гребец с бака шлюпки ему помогает удержать ее неподвижно у трапа. Если расчет подхода шлюпки к трапу плох, она или проскочит дальше или же останется позади, относимая в сторону ветром, хуже еще к борту корабля и это перед всеми

будет настоящим скандалом. Подходить под парусом к трапу с большой точностью являлось самой трудной задачей на практическом экзамене по морскому делу, но иногда разрешалось, в виде поблажки, повторить испытание еще раз. Несомненно еще труднее было управлять шлюпкой под парусами со снятым рулем, который укладывается на ее дно.

Это упражнение, где повороты шлюпки совершались маневрируя искусно парусами и перегоняя команду из носа на корму или наоборот, было самой сложной задачей. Но вот шлюпочное учение заканчивается по сигналу в 11 часов 30 м. взвившемуся на рее «Моряка». Корабль зовет свои шлюпки.

По возвращении и крепления их по своим местам на рострах и на выстреле, раздается дудками сигнал «Купаться», что обязательно в летний период для всех здоровых кадет. Они только этого и ждали, сбрасывают в три счета с себя одежду и бросаются, головой вниз в море, кто с борта или пониже, а хорошие гимнасты даже с рей, высотой в хороших десять метров над водой. На купание дается к общему сожалению только четверть часа и по сигналу «Отбой» кадеты нехотя и с задержкой выползают на борт. «Вылезать из воды» раздается строгий голос вахтенного офицера с мостика, оставшиеся подплывают к выстрелу, лезут на него, цепляясь один за другого из-за трудности пердвигаться по скользкому от воды бревну. Вот верхний поскользнулся и падает обратно в воду, таща за собой других. Как нарочно то же происходит с другой компанией на противоположном выстреле.

Вахтенный офицер негодующе кричит: «Вылезать из воды», и «дам последнему прогон через салинг» * и тут уже нужно поневоле покидать прохладную воду в этот знойный африканский полдень. Но замечательно, что в таких случаях всегда умудрялись вылезти без последнего, а два или три вместе и таким образом наказание становилось неприменимо. По сигналу «Пробу наверх» ровно без пяти двенадцать, дежурный по кухне, иначе говоря, старшина камбузного наряда, сопровождаемый коком т. е. поваром на корабле, несущий на подносе приготовленный им обед, предстают перед командиром или старшим офицером его заменяющим, и затем идут так к вахтенному офицеру. Начальство пробует еду и дает раз-

* Мачты на парусных кораблях состоят из нескольких частей и места их скрепления называются марсом и выше салингом.

решение раздавать ее команде корабля, находя обычно что все в порядке.

В полдень сигнал «Команде обедать, такая-то смена на вахту», смена вступающая уже пообедала. Кадеты обедают и имеют право отдохнуть до двух часов, что называется «Адмиральский час» когда каждый выбирает себе место на палубе, по возможности в тени. В это время поднят на рее флаг «П» означающий покой, когда никаких команд ни вызовов не должно происходить, даже если адмирал появится между лежащими кадетами, они могут не вставать перед ним. В два часа дня по сигналу «Движение вперед» кадеты разводятся по работам, так как на корабле всегда находится что делать.

Починка парусов и снастей, соскабливание старой краски, покраска свежей бортов корабля или надстроек всякого рода, всегда ждали старательной руки кадета. В этот час часть их занималась морской практикой в частности вязанием особенных «морских» узлов. Среди этих особенно замысловатым был т. н. «беседочный узел» закрепляющий петлю на конце троса, не скользящий и легко развязывающийся. Когда бросали конец человеку упавшему в море, он должен был завязать таким узлом петлю при помощи которой его вытаскивали на борт.

В определенные дни, в эти часы, производилось парусное учение с поднятием и спуском парусов корабля, что было делом не из легких, принимая во внимание общее количество парусов, до пятнадцати, тяжесть их из за очень толстой парусины чистого льна и поднятие марселя на фок-мачте вместе с реем при помощи марса фала, в который впрягалось до двадцати кадет.

После ужина, в шесть часов вечера раздается «дудка» из жилой палубы всем выйти, палубу проветрить и подмести. Все бегут на верхнюю палубу, кроме дневальных, наводящих порядок в спальном помещении. Для кадет, как и вообще для команды корабля, местом во время отдыха является бак т. е. часть верхней палубы на носу корабля перед фок-мачтой, где между прочим стоит т. н. «шайка» кадка служащая для бросания окурков, которые, как и все остальное, не должны падать ни в море, ни, Боже сохрани, на палубу. Над шайкой прилажен фитиль — тлеющий отрезок просмоленного троса. По дудке «кадетам песни петь и веселиться» собирались на баке группой, садясь на что нибудь возвышенное, и с большим

успехом исполняли русские народные песни, а особенно из морской жизни. Среди нас было десятка два отличных голосов и песня лилась как у настоящего хора.

Если не пели то вели разговоры на различные темы, на злобу дня, спорили и даже ругались. Но время бежит и солнце недалеко от заката, когда должна быть церемония спуска флага. Момент когда солнце скрывается за горизонтом точно вычисляется флагманским штурманом, что важно особенно в случае облачности, мешающей следить за солнцем.

Как и утром на флагмане, за пять минут до захода солнца, поднимают на мачте два «Щ» или одно «Щ», если предвидится спуск флага с церемонией, и все происходит в том же порядке как и при подъеме его. «Флаг спустить» командует вахтенный офицер и после спуска его «Разойтись». В восемь часов вечера был сигнал «На молитву» и кадеты снова строились на шканцах и пели положенные молитвы. После чего горнист играет отбой. «Спокойной ночи» желает старший по чину из присутствующих офицеров, «покорнейше благодарим» гремит ему в ответ и кадеты бегут за своими койками и устраиваются на сон, благо солнце заходит после восьми, а то и в девять в летний сезон. Кто хочет остается на верхней палубе, раскладывая свою койку где-нибудь под прикрытием, защитой от утренней росы, а кто спускается в кубрик на свое обычное место. Ведутся не долго разговоры так как сон быстро обуревает уставших после столь трудового дня кадет. Только стоящие на очередной вахте не спят на корабле до полуночи, когда их сменит следующая вахта до четырех утра, самая утомительная, получившая кличку «собака».

ПОХОД ПОД ПАРУСАМИ.

Однажды вечером, уже после молитвы, прибегает к нам один из кадет и взволнованно говорит: Господа, вахтенный на шканцах слышал приказ командира: «Завтра утром сниматься с якоря, если только будет ветер, идем в поход на два дня», «Ура», раздаются крики, и радостная весть разносится молниеносно по всему кораблю, кадеты же ждут с нетерпением следующего утра. Но будет ли на счастье ветер, вот еще вопрос?

Слабый ветерок с утра действительно усиливается к восьми часам, но утренняя приборка и подъем флага проходят как обычно. Командир наконец приказывает произвести все при-

готовления к съемке с якоря, а именно поднять трапы и все шлюпки, закрепив их как положено, принайтовать оба выстрела вдоль борта, проверить различные снасти и механизмы. После небольшого отдыха раздается команда «Унтер-офицеры по люкам» и все наши старшины носящие на грудной цепочке унтер-офицерские дудки бегут к люкам в ожидании возгласа вахтенного офицера: «Все наверх. С якоря сниматься». Тогда все разом начинают неистово свистеть в дудки, так что в воздухе стоит сплошной вибрирующий свист, заканчивающийся протяжной трелью и отрывистым звуком на высокой ноте. Затем унтер-офицеры кричат ту же команду каждый в свой люк, повторяемую выбегающими кадетами и стремящимися к своим местам по судовому расписанию. Старший офицер на корабле, главный помощник командира, лейт. Гессель, на мостике готовится управлять съемкой с якоря, а командир стоит рядом, зорко следит за всем и, при случае, дает свои указания. Наконец команда «Паруса ставить». Один за другими следуя строго установленному порядку поднимаются паруса, но пока раздернутые, полощут от ветра. Точнее говоря косые паруса поднимаются, в то время как прямые спускаются с держащих их рей. Для этого команда парусного корабля заключает в себе палубных матросов и так называемых марсовых, которые по команде «По марсам» поднимаются бегом, услышав команду, по вантам на мачты и «По реям» разбегаются по ним, чтобы в нужный момент отцепить от них паруса, падающие своей тяжестью вниз. «Моряк» имел пять прямых парусов на фок-мачте: фок, разрезной марсель (из двух парусов), брамсель и бом-брамсель (идя снизу наверх). Около двадцати кадет, самых крепких и ловких, были назначены марсовыми для обращения с этими парусами, трудного и подчас опасного для жизни.

Когда все паруса подняты в достаточном числе для продвижения судна некоторые из них стягиваются шкотами чтобы «взять» ветер и дать ход кораблю, в какой момент поднимается якорь, освобождая совершенно его.

Это правда замечательный момент, когда наблюдаешь движение корабля под действием ветра и только ветра. «Моряк» берет направление к озеру и войдя в него поворачивает на ост, откуда дул ветер, дабы практиковаться лавировкой, идя зигзагами, по морски «галсами» навстречу ветру от одного берега озера до другого. Дойдя почти до восточного берега,

«Моряк» повернул к западному и идя по ветру «на фордевинд» расправил паруса как крылья бабочки и пошел набирать скорость, пересекая озеро в центре. Нам был роздан обед, и после него было дано «Вольно» и все кроме вахтенных пошли отдыхать, с удовольствием следя за быстрым ходом нашего «Моряка».

«МОРЯК» НА МЕЛИ.

Около четырех часов дня, вдруг раздалась дудка: «Ютовый боцман наверх к вахтенному начальнику», кадет, исполнявший обязанности ютового боцмана, отдыхавший в кубрике, быстро вскочил с койки и явился вахтенному начальнику. «У нас ветром порвало «флаг-линь» — сказал вахтенный начальник (Флаг-линь, это крепкая веревка при помощи которой высоко на мачтах и реях поднимаются различные флаги). «Флаг упал в воду» продолжал вахтенный начальник, и его вытащил за другой конец флаг-линя. Сейчас мы идем без флага, что для военного корабля недопустимо. Пойдите в подшкиперскую, получите там новый флаг-линь, заведите его (это значит проденьте его через блок на бизан гафеле) и тогда снова поднимите флаг. Боцман, получив новый флаг-линь, поспешил к своей т. н. бизань мачте, которой он заведывал.

Примечание. Когда корабль стоит на якоре или в порту у пристани, то флаг поднят на флаг-штоке находящемся на корме корабля, когда же корабль снимается с якоря то флаг переносится т. е. спускается на флаг-штоке и одновременно (конечно другой флаг) поднимается на гафеле последней, в данном случае на третьей, т. е. бизань мачте. Если читатель взглянет на схему "Моряка", на которой не видно парусов, т. е. где они спущены, то увидит Андреевский флаг наверху последней мачты — эта часть мачты на которой виден флаг называется гафелем, вот туда наверх и должен был взобраться наш боцман.

Конечно будь бы на стоянке — то все бы это делалось иначе, но тут в «походе» — другого выхода не было. Боцман должен был сначала подняться по вантам бизан мачты, подобным веревочным лестницам, это не так трудно — но потом нужно перелезть с мачты на гафель, что дальше делается значительно сложнее, потому что гафель круто, приблизительно под углом в 45°-50°, поднимается ввысь и нет никаких приспособлений или снастей за которые можно было бы держаться руками не только выше головы, но хотя бы наравне с туловищем, чтобы лезть дальше, а высота на коотрой все это происходило была

порядочная в начале метров 16, считая от палубы, а дальше по мере подъема все выше и выше.

Единственно что было это фал и нералэ — это два каната из которых первый, когда парус поднимают, тянет парус вверх, а второй когда парус спускают, тянет парус вниз. Эти два каната начиная от палубы, через блоки, поднимаются вдоль мачты на верх, переходят на гафель, и по его верхней стороне поверхности доходят до его конца, т. е. как раз туда где, на прилагаемом чертеже, виден Андреевский флаг и куда должен был добраться наш боцман чтобы выполнить возложенное на него поручение.

Единственно что оставалось сделать, ввиду того что верхний парус был убран (см. 2-ую скицу), это влезть и сесть верхом на гафеле, а значит одновременно и на эти два, только что упомянутые каната и, схватившись за них руками, подтягиваться вперед, значит одновременно и круто вверх, и таким образом очень медленно, в течение нескольких долгих минут приближаться к своей цели, т. е. к верхнему концу гафеля, где находится тот блок через который нужно продеть новый флаг-линь.

Все это возможно только благодаря тому что были подняты паруса и подымаясь по гафелю при помощи рук, можно было ступнями упираться в свешивающийся вниз парус — иначе очень легко, и даже наверняка можно было потерять равновесие и свергнуться вниз с такой высоты на палубу, что конечно кончилось бы плохо, вряд ли и кости бы собрали. К счастью в это время не нужно было ни поднимать ни спускать паруса.

Итак, преодолев трудности, наш юный боцман достиг верхней оконечности гафеля и легши грудью на гафель, обхватив его ногами, а руками обвив, спускающийся в том месте сверху, трос, начал продевать через блок принесенный с собой флаг-линь. Эта операция прошла благополучно и концы заведенного флаг-линя были сброшены вниз на палубу где их поймали ожидавшие там кадеты. Флаг был закреплен и сейчас же поднят на гафель и выполнивший данное ему поручение боцман, должен был начать спускаться тем же путем каким и поднимался.

Но в этот момент почувствовалось какое-то мягкое сотрясение и боцман с высоты на которой он находился, увидал что вокруг корабля и в стороны от бортов пошли кругами бурые волны как это бывает от брошенного камня. «Мы сели на

мель» пронеслось в голове у боцмана — и действительно корабль стоял неподвижно на месте.

И тут сейчас же раздалась тревожная дудка «Все наверх паруса спускать» (эта мель, на которую мы сели, как выяснилось позже, не была занесена на мореходной карте нашего озера). Наверху, на гафеле были слышны голоса, видны кадеты бегущие по палубе на свои места по авралу. Нужно было срочно принимать меры чтобы сняться с мели, освободить нос корабля, врезавшийся с размаху в илистое дно. К тому же ветер, дующий сзади с кормы, начал разворачивать корпус судна, с еще поднятыми парусами, и ставить его боком к ветру так, что появилась опасность не только углубиться еще дальше в илистое дно, но даже риск что при отсутствии свинцового балласта в трюме, в случае усиления непогоды, ветер может положить судно на бок!

В этот момент старший офицер, спешивший на командный мостик, сразу еще с палубы уже подавал команды. Первая команда была: С бизань гафеля долой!!! — это было самое срочное, что необходимо было сделать: убрать кормовой парус, т. е. с бизань мачты так как этим парусом, как рычагом, ветер разворачивал корабль. Присутствие этого паруса поднятым, с каждой секундой ухудшало положение корабля которого ветер все продолжал разворачивать, но присутствие на гафеле человека не давало это сделать, т. к. это могло стоить ему жизни. Спускаться тем же путем которым он только что поднимался было слишком долго, и если бы в это время, принимая во внимание опасность в которой находился весь корабль, все же начали спускать парус, то канаты на которых сидел и за которые держался боцман пришли бы в движение, и при том быстрое и в противоположных направлениях и будучи весом паруса на котором они висели, прижаты к гафелю, ободрали бы руки сидевшему на них верхом боцману и могли бы еще захватить и защемить одежду что кончилось бы неминуемой катастрофой.

«На бизань фалы и непалы», раздалась команда с мостика, это как раз то о чем мы сейчас говорили. А внизу на палубе уже десяток кадет подбежали и схватили руками за концы непалов, оставалось только закончить команду «отдать фалы пошел нералы» и все бы поехало, но в этот момент юноше боцману пришла в голову спасительная мысль, обхватив ногами гафель, он перегнулся туловищем с боку гафеля, наклонился

и схватился обеими руками за тонкий, миллиметров пять в диаметре стальной трос, называемый «нижним гафель топенантом» спускавшийся вниз на палубу и служивший для придерживания паруса во время поворотов. В воздухе только мелькнули ноги и юный боцман исчез из видимости. Он повис с другой стороны паруса на тонком стальном тросе, держась за него только руками. Этого только и ждал с нетерпением старший офицер. Сразу же раздалась команда «пошел нералы» и парус скрипя поехал к мачте. Итак боцман оказался на самом верху под самым флагом, он избежал очень большой опасности, но теперь нужно было еще благополучно на руках спуститься до палубы. Получилось так, что он всей своей тяжестью висел на мускулах рук, ногами он не мог себе помочь как это делается когда человек лезет по толстому канату, он мог ногами держать только направление своего тела, все зависело в первую очередь от ручных мускулов и хладнокровия. И он, крепко держась за тонкий железный трос, который резал ему ладони и пальцы начал медленно спускаться но так как когда все это случилось корабль шел на «фордевинд», т. е. попутным ветром который дул сзади, то все паруса в том числе и бизань, были повернуты в сторону и поэтому трос по которому спускался боцман свешивался не над палубой а над водой. Это заметил сам командир корабля ст. лейт. Максимович и сам с двумя кадетами подбежал и схватил конец троса по которому спускался боцман и подтянул его к борту корабля, и таким образом гимнаст-боцман благополучно спустился, счастливый выполненным поручением, и оказался на палубе своего корабля.

Тем временем на корабле, под энергичным руководством ст. офицера, работа кипела, уже все паруса были спущены и закреплены на своих местах чтобы не полоскали по ветру, и тем самым не парусили. Затем, для облегчения судна, необходимого для снятия его с мели, все шлюпки были спущены на воду: из кочегарки весь шлак (перегоревший уголь) выброшен за борт и даже вылили запас пресной воды, оставив лишь необходимое количество.

Несколько раз давали машиной задний ход — но совершенно безрезультатно — «Моряк» продолжал непоколебимо стоять на месте. Тогда начальство решило испробовать старый способ — применявшийся на парусниках: раскачивание судна. Всем кто был на корабле приказано было стать с одной сто-

роны корабля у самого борта и затем все по команде «Перебегай» должны были как можно скорее — бегом достигать противоположного борта и так много раз подряд с одного борта на другой, это с целью раскачать корпус судна, чтобы легче было снять его с мели. В то же время были при помощи шлюпок заведены так называемые «верпы» это небольшие якоря (но гораздо больше тех что на шлюпках). Так как наше судно надо было тянуть назад, т. е. в ту сторону откуда мы врезались в мель то «верпы» заводились от кормы тоже назад насколько хватала длинна канатов, и там их сбрасывали в воду, а канаты же на которых они были привязаны, наворачивались на находящийся на корме «Моряка» шпиль. Все шлюпки с корабля, с полным составом гребцов, тоже приготовились буксировать судно с кормы. Когда все было готово по команде «пошел» гребцы начали изо всех сил грести, шпиль начал крутиться и потянул канаты верпов, машина дала задний ход, в то же время оставшиеся на корабле кадеты снова начали раскачивать его. Но к общему сожалению корабль наш не сдвинулся ни на один сантиметр, с засосавшего его ила! Верпы же сразу вылезли из илистого дна озера, не оказав никакой помощи. Стало темнеть и было опасно оставаться на месте из за возможности усиления ночью ветра и потому описанный маневр еще несколько раз был повторен с различными изменениями пока наконец увенчался успехом и корпус корабля сначала очень медленно потом все быстрее двинулся на более глубокое место и у нас вырвался глубокий вздох облегчения. На самом деле если бы это не удалось — нам бы пришлось вызывать французский буксир, что вообще на практике в таких случаях обычное явление но нам, морским кадетам, это было бы очень обидно что мы сами оказались неспособными выйти из такого тяжелого положения в которое мы попали. Снявшись с мели мы отвели наш «Моряк» на более глубокое место и стали там на якорь. Была уже полночь, а мы и не заметили как быстро время прошло. Командир сразу же приказал раздать ужин. Конечно, после таких «авральных» работ, палуба оказалась в ужасном виде валялись верпы, разные канаты и прочие неубранные снасти, а главное все было замазано грязным илом со дна озера. Командир приказал ничего не убирать и оставить все до утра, а теперь ложиться спать, конечно как всегда, за исключением вахтенного. Утренняя побудка была тоже назначена позже обыкновенного.

На следующий день мы принялись за приведение судна в порядок и навели чистоту как обычно, погода была солнечная и дооьльно ветренная, паруса были снова подняты для новых эволюций по озеру, и для возвращения на свою обычную стоянку на бизертском рейде. Этот поход хотя и с приключениями оказлся для нас интересным, полным впечатлений и практики и на долго сохранился у нас в памяти как поход полный приключений.

«МОРЯК» В ДОКЕ.

Большинство кораблей русской эскадры, стоящей на бизертском рейде побывало в доке арсенала Сиди-Абдалла, на противоположном берегу озера. Пришел черед и «Моряку» в сентябре 1921 года навести туалет своей подводной части, густо обросшей водорослями и ракушкой, постепенно разрушающих корпус и тормозящих его движение во время плавания.

Док, предназначенный нам, оказался больших размеров и кроме «Моряка» поместилось еще два французских судна, правда среднего тоннажа. Нас, кадет, очень интересовало как это выпустят из дока воду и «Моряк» очутится на сухом его дне, а также посмотреть на всю подводную часть нашего корабля с форштевнем, рулем и его винтом. Сначала была выкачена часть воды, при помощи могучих помп, так чтобы наш киль почти касался дна дока. В это время были подведены толстые балки, служащие для упора судна с боков, и остальная вода была удалена.

Надлежащая устойчивость судна в сухом доке это дело его специалистов и мы не будем его описывать, сказав только что «Моряк» стал килем на подставки из массивного дерева, около метра высоты, что дает возможность легко чистить и красить самый низ корпуса.

Наша палуба при этом оказалась гораздо ниже пристани дока и положенные сходни спускались к судну, вместо того чтобы как обычно подниматься. Нас поразило еще количество и величина наросших за долгие годы пребывания в воде раковин, в большинстве мидий, а также голотурий в виде колбасы, слизистого строения существ, среди густо выросших морских трав.

Было сказано, что все это необходимо содрать в кратчайший срок и вывезти подальше так как быстро разлагаясь они издают невероятную вонь. По бортам были подвешены т. н. «беседки», передвижные мостки, на которых нам нужно было стоя или сидя работать, т. к. вся рабочая сила, это команда корабля, стоящего в доке, иначе говоря, в нас кадетах.

Как мы убедились, работа оказалась не легкой и, к тому же, очень неприятной из-за множества ракушек от которых надо было освободить корабль, перед тем как начать скрести уцелевшую краску до прикраски новой. Скоблили корпус специальными скребками и все отодранное сыпалось вниз, но иногда и на голову и за шиворот, что было крайне неприятно, а то еще брызгала скопившаяся в ракушках вода и подчас прямо в глаза.

Под килем стоял полумрак и было очень сыро, несмотря на жаркое солнце. Но нас было около 70 человек, работа кипела несмотря на все невзгоды, так что в результате днище было целиком очищено за три дня. Но очистка от ракушек была только вступлением.

На следующий день, действительно, нам роздали для защиты глаз специальные очки, как у мотоциклистов, и «ростгаммеры», т. е. молотки с острием служащим для отбивки старой краски и ржавчины, крепко держащимися на днище успевшего высохнуть за эти дни.

Когда 70 молотков начали барабанить по железу, поднялся невероятный гул не дающий буквально возможности обменяться словом с соседом по работе, а кроме того происходящая от отбиваемой краски густая пыль, стоящая облаком и забивающаяся в нос и уши не делали работу приятной. Мы же терпеливо исполняли приказанное нам, так чтобы на железе не осталось следа старой краски ни, особенно, ржавчины, могущей разрушать свежую покраску. По окончании, за четыре дня такого обдирания мы буквально превратились в трубочистов, до того с ног до головы были покрыты всюду проникающей пылью ржавого железа. Как хорошо было стать под душ за неимением морского купания, как это было стоя на рейде. Последняя часть нашего труда заключалась в покраске и это дело показалось, после предыдущих испытаний, совсем простым и легким.

Мы красили огромными кистями «Патентом» светло-зеленого цвета, как называется краска предназначенная специаль-

но для подводной части корабля и шлюпок, содержащая отраву, не позволяющую наростать ракушке и водорослям в течение правда только известного срока, примерно года.

Закончены все нужные работы и вот, наконец док наполняют снова водой, льющейся фееричным водопадом из восьми широких ниш в стене дока с невероятным шумом падая на дно. «Моряк» вскоре всплывает, стойки крепящие его с бортов выбиваются и через открытые ворота, он при помощи буксира, покидает так пригодившийся для его «омоложения» док.

Так учились мы кадеты, не только морской практике, но и тому как надо содержать в порядке свой корабль, а подчас и выполнять самые тяжелые и грязные работы.

КОНЕЦ «МОРЯКА»

В начале 1922 года нас всех огорчило распоряжение французских властей о сокращении личного состава эскадры и ликвидации в течение года гардемаринских рот и также нашего дорогого «Моряка». Сокращение личного состава на эскадре начало проводиться французскими властями с первого месяца нашего прибытия в Бизерту. К 1922 году на эскадре уже осталось мало людей так как большинство само стремилось найти себе заработок на берегу, чтобы лучше устроить свою жизнь, многие уезжали во Францию так что на кораблях осталось очень мало людей. Оставались главным образом те, кто считал необходимым не покидать своих детищ, так как корабли хотя и были приведены в состояние долговременного хранения, но работ по сохранению матерьяльной части всегда находилось очень много и мы кадеты сдавшие свои экзамены списывались т. е. из корпуса переводились на корабли где сейчас же применялись на разные работы. Все мы считали что настанет момент когда мы опять понадобимся Родине и тогда будут нужны наши корабли. Были и такие, которые брали отпуск на два, три месяца и ехали в Тунис бывший в 70 километрах от нас и там поступали на работу чтобы подработать и затем опять возвращались на эскадру.

4-ая и 6-ая кадетские роты прошли практику на «Моряке» в 1922 году. По окончании плавания корабль был поставлен в соседнюю бухту Каруба рядом с нашей минной эскадрой и там разоружен, закончивши свою карьеру в день 27-го сентя-

II гардемаринская рота. В центре кап. I р. Китицын, около него кап. I р. Кольнер и кап. II р. Александров

бря упомянутого года. Заметим с грустью, что «Моряк» являлся последним судном плававшим под Андреевским Флагом.

Перед окончательным уходом с него кадет, смазали и привели в состояние долговременного хранения все механизмы, свернули бережно паруса и снасти бегучего такелажа, сложив их в нижней палубе (реи, гафели и гики были сняты с мачт, оставив их голыми и завернуты в брезент). Все эти работы длились в течение трех дней.

Настал день нашего возвращения на Форт и рано утром мы усердно вымыли палубу, начистили медяшку чтобы она блестела, попрощались со старшим офицером лейт. Гесселем, остающемся на «Моряке» как бы сторожем (командир, ст. лейт. Максимович, отсутствовал по делам), и после подъема флага, молча с большим душевным волнением, покинули наш родной корабль к которому за два плавания на нем так привязались, чтобы вернуться в Кебири готовиться к предстоящим экзаменам.

Бывало по субботам, после занятий, мы брали отпуск группой в 3-4 человека и пешком отправлялись в бухту Каруба, чтобы навестить нашего бывшего старшего офицера и прове-

сти ночь на старом «Моряке». Утром в воскресение мы вооружались щетками и ведрами, черпали за бортом воду драили как могли палубу и чистили медяшку, вспоминая былые радостные дни плавания, и к вечеру с грустью возвращались к себе на форт. Это было все что мы могли сделать!!!..... Да! Когда мы вели наши корабли из Крыма в Бизерту не знали мы что это будет гробница нашего национального флота.

ВЫПУСКНОЙ, В ТО ЖЕ ВРЕМЯ ПРОЩАЛЬНЫЙ С КОРПУСОМ БАЛ 4-ой СТАРШЕЙ КАДЕТСКОЙ РОТЫ.

В морском кадетском Корпусе не было младших классов, как в российских средних учебных заведениях и образование в нем начиналось с 7-ой роты, соответствовавшей по наукам 4-му классу последних. Этим объяснялся достаточный возраст воспитанников для исполнения матросских обязанностей во время летних учебных плаваний. То, что в кадетских корпусах и гражданских учебных заведениях называлось классом, в Морском Корпусе именовалось ротой, причем существовало 4 кадетских, от 7-ой до 4-ой, соответствовавших среднему образованию (4-ая рота имела привилегию называться старшей кадетской и носить золотой галун на погонах) и три гардемаринских роты от 3-ей до 1-ой, где проходилось специальное высшее образование, заканчивающееся годом практики во время кругосветного плавания после производства старших гардемарин 1-ой роты в корабельные гардемарины.

В кадетских ротах проходили примерно курс реальных училищ при усиленной математике, с добавлением преподавания морского дела — теории в зимнее время и практики на кораблях в летние месяцы. Гердемарины изучали высшую математику, астрономию, штурманское дело, лоцию, навигацию, артиллерию и другие науки, необходимые для морского офицера. Так было в России.

Оказавшись в конце 1920 года, по эвакуации из Крыма, в Бизерте, Морской Корпус существовал субсидиями от французского правительства поставившего сроки: до окончания высшего образования гардемарин и среднего для кадет. Программа кадетских классов была приравнена к программе француз-

ских средне-учебных заведений и наш диплом признавался Францией как равносильный французскому «Башо» т. е. аттестат зрелости. Конечно для продолжения образования в высших учебных заведениях, кадетам не так посчастливилось как гардемаринам, получившим обширные знания по высшей математике.

Таким образом последний гардемаринский выпуск должен был покинуть корпус к концу 1922 года, а кадетский в начале 1925 г. (Нужно добавить, что субсидии полученные от Франции были впоследствии погашены продажей русских кораблей).

По примеру гардемаринских, каждая кадетская рота устраивала свой выпускной и одновременно прощальный с корпусом бал. Первой из таковых была рота окончившая корпус в июне 1923 года. Да и прежде по каким-либо случаям, изредка, для поднятия настроения, устраивались спектакли и балы, с даровым буфетом для воспитанников и корпусных семейств, живущих в лагерях или в городе. К тому же нужно добавить, что через некоторое время по прибытии в Бизерту, мы стали получать карманные деньги. Гардемарины по 5 франков, а кадеты по 3 франка в месяц, которые мы сполна отдавали в ротную казну на ротное представительство, на устройство таких вечеров и нужно сказать насколько сильно было чувство соревнования между ротами в смысле пышности, устройства их.

Но выпускной бал должен был быть устроен с особым шиком и вся рота готовилась к нему за несколько месяцев, чтобы, как говорится, не ударить лицом в грязь, удивить начальство и дать пример младшим. Устраивались балы всегда в помещении 4-ой роты потому что она единственная помещалась не в казематах как другие роты, а, благодаря своей малочисленности, в единственном совершенно отдельно стоявшем во дворе, бараке. На день бала все кровати, пирамиды с винтовками выносились, а вносились скамейки для публики и столы для устройства подиума для сцены. Устанавливались самодельные кулисы из синего кумача и занавес из красного.

Ввиду того, что на форту не было электричества, а бывшая на валу движимая ветряком динамо, была слаба для освещения всего форта, то она служила главным образом для обслуживания церкви и лишь части помещений, а все остальное и в том числе и наш барак (4-ой роты) освещались ротными, а для такого важного случая собранными где только возможно,

керосиновыми лампами. Буфет с прохладительными напитками, пирожными и печеньями (изготовленными нашими корпусными дамами) за недостатком помещения устраивался снаружи под шатром при входе в барак.

Вот наступил долгожданный вечер и наше помещение имело неузнаваемый вид — барак превратился в зрительный зал с настоящей сценой, кулисами, стенами украшенными цветами и пальмовыми ветками, стульями и скамьями. Зажжены были все керосиновые лампы. Перед занавесом устроена рампа — установлено около 20-ти ламп с зеркальцем (как рефлектором) позади каждой, чтобы сильнее освещать сцену. С потолка, на сделанных из толстой проволки подвесах, свешивалось 12, по 6 в ряд, больших ламп — для освещения всего зала (за сценой одевались и гримировались артисты). Все мужские и женские роли как и обслуживание сцены исполнялось исключительно кадетами. Свободные же от сцены кадеты были распределены на другие должности.

Нужно было в первую очередь встречать у ворот прибывающих гостей и проводить через подворотню и длинный двор до зрительного зала, где их поручать внутренним распорядителям, которые их рассаживали и раздавали разрисованные акварелью программы (для каждого гостя специально для него нарисованные с известным смыслом). Были также и заведующие буфетом.

За несколько минут до назначенного часа дежурный у ворот форта знаком дал знать о приближении адмирала (директора корпуса) и через короткое время Адмирал в сопровождении адъютанта показался в воротах. Оркестр стоявший во дворе у входа в нашу роту сразу же интонировал встречный марш. Адмирал прошел в зрительный зал где все присутствующие встали, адмирал раскланиваясь на обе стороны в сопровождении встретившего его нашего ротного командира прошел на свое место.

За сценой все приготовления были уже закончены и через несколько мгновений раздался удар в привезенный с корабля колокол и занавес начал медленно раздвигаться. В то же время сверху со стороны потолка послышался весьма непонятный скрежет и в зрительном зале вдруг стало темно. Вся публика невольно взглянула на потолок и увидала спустившиеся на все 12 ламп жестяные цилиндры, затмившие освещение. Раздались громовые аплодисменты из публики, понявшей и одоб-

рившей остроумное изобретение кадет. Это сразу создало хорошее настроение. На самом деле тут помогла практика морского дела: киловые консервные банки полученные из кухни, с вырезанными донышками приводились в движение с помощью фалов (веревок из бичевки) и блоков. Стоило только потянуть конец фал, чтобы поднять все банки и дать свет, ослабляя фал, банки опускались до низу своим весом и затмевали свет. Это делалось в момент поднятия занавеса и освещения сцены рампою.

Первым номером шла комедия «Свадьба» Чехова, где особенно очаровательна была невеста. Она так умилительно кокетничала и поправляла локоны на парике, играл ее кадет, и публика покатывалась со смеху. После короткого антракта начался дивертисмент, в котором особенно всем понравился «менует». В этом номере вся сцена была задрапирована в черное, при помощи недавно выданных этого цвета одеял, с целью получить эффект сильного контраста с танцующими в светлых костюмах. В глубине посредине стояли высокие позолоченные часы-куранты в стиле «рококо», а по бокам две как бы фарфоровые статуэтки маркиз и маркиза в костюмах светло кремового цвета, в париках и в перчатках, конечно белых. На маркизе была юбка с кринолином, а маркиз имел камзол, шитый золотом, и жабо.

Все вместе взятое, неподвижные фигуры, куранты и еще золотые украшения в стиле рококо над ними, вырисовывающиеся рельефно на черном фоне создавали яркую живую картину и зрители при полной тишине зала любовались, ожидая что будет дальше. И вот куранты мелодично бьют 12 и из за сцены слышатся плавные звуки менуэта, исполняемые на рояле, кларнете и флейте. Застывшие статуэтки вдруг как бы проснулись, обвели взором вокруг себя, радостно улыбнулись, увидев друг друга, спустились с пьедестала где стояли. Маркиз протянул маркизе руку и начался старинный, полный грации, танец под усилившиеся звуки музыки. Зрители затаив дыхание созерцали представление. Суровая жизнь на форту и в лагерях были в этот момент забыты!

Но вот звуки музыки стали постепенно затихать, маркиз и маркиза приблизились к курантам, он сделал ей глубокий поклон, поцеловав протянутую руку, а она ответила плавным и полным грации реверансом, после чего каждый из них стал неподвижно на свое первоначальное место, музыка затихла и занавес закрылся.

Наступившая тишина была прервана бурными аплодисментами и криками «бис». Затем следовали номера с мелодекламацией и с хоровым пением народных и солдатских песен, великолепно исполненных нашими силами, благодаря многочисленным репетициям и спевкам. Под конец спектакля был исполнен настоящий венгерский «Чардаш» в живописных фольклорных нарядах. Занавес открылся и на сцену вместе со звуками музыки из боковых кулис выбежали навстречу друг другу кавалер и дама, и пустились с азартом вытанцовывать типичные фигуры. Публика пришла в восторг и аплодировала когда кавалер обхватив даму за талию крутил ее с невероятной быстротой, причем дама взмахивала ногой выше своей головы.

Аплодисменты гремели и на бис артисты повторили танец три раза. «А вы были барышня с темпераментом, с огнем», говорили потом многие дамы кадету, танцевавшему в роли балерины.

Вот теперь должен был начаться бал и на время освобождения зала от лишних скамеек гости были приглашены наружу в шатер служивший буфетом, где угощали разными напитками с съестными приготовлениями наших милых корпусных дам, всегда с удовольствием готовых оказать посильную помощь.

Как это принято по традиции, бал был открыт плавным и грациозным полонезом, с фельдфебелем нашей роты и старшей дамой Корпуса в первой паре, под мощные звуки полного корпусного духового оркестра. Затем были вальсы, классические с фигурами, полька, полька-бабочка, венгерка, па-деспань, па-депатинер, па-декатр и бурная мазурка под музыку Винявского со стремительными передвижениями из одного конца зала в другой. Все это были танцы старой России, новых, американского типа, мы еще не знали. Дирижировал танцами наш же кадет. Вальс с фигурами повторялся несколько раз, как имевший особенно большой успех. Было уже далеко за полночь, когда гости начали расходиться, радостные и полные приятного настроения, сердечно благодаря хозяев за незабываемый вечер.

КОНЕЦ ЭСКАДРЫ = КОНЦУ НАЦИОНАЛЬНОГО ФЛОТА

Осень 1924 года Франция признала СССР и советский режим (по словам тогдашнего премьер министра), как желанный русским народом!?

Всем стало ясно, что подходит конец существования нашей эскадры.

15/28 октября 1924 г. утром, Вице-Адмирал Эксельманс, префект Бизертского военного округа сообщил Контр-Адмиралу Беренсу, что просит всех офицеров нашей эскадры к 15 часам собраться на нашем флагманском корабле для важного сообщения.

К указанному времени все офицеры были на эскадренном миноносце «Дерзком». В 15 часов точно Вице-Адмирал Эксельманс прибыл на своем катере и был встречен нашим адмиралом и нач. штаба, а офицеры стали в строй на юте миноносца. Адмирал Эксельманс объявил о совершившемся факте, он был бледен, видно было что он очень волновался и вместе с нами переживал наступивший момент. Перед собранием всех офицеров он произнес речь полную симпатии к старой России, в которой, со слезами на глазах, объявил о необходимости покинуть корабли.

«Вам, офицерам без страха и упрека» сказал он «будет сделано все, чтобы смягчить тяжелую минуту и надеюсь, что мне не придется отдавать приказ о спуске Андреевского флага!

Затем, очевидно вспоминая, что еще недавно, по окончании 1-ой мировой войны, Германцы приведя свой флот для передачи его англичанам, сами потопили его на глазах у англичан, — адмирал Эксельманс снова обратился к нашим офицерам и сказал: «Неправда ли вы даете мне честное слово, вы не потопите ваших кораблей?» Но наше офицерство стояло как вкопанное сохраняя гробовое молчание. Тогда адмирал Эксельманс повторив еще раз свой вопрос, подошел к ближе всего к нему стоявшему офицеру и протянув ему руку как бы прощаясь: «Не правда ли Вы обещаете?»

Не дать руки заслуженному адмиралу, префекту военного округа, всегда так заботившемуся о нас и шедшему навстречу всем просьбам нашего начальства, а теперь ожидающего ответа? Но офицер молчал — в голове у него с молниеносной

быстротой проносились мысли и он, тоже как и адмирал Эксельманс и все присутствующие потрясенный происходящим, не мог найти слов для ответа, все что он смог сделать — это молча протянуть руку адмиралу. Тогда адмирал молча подошел к следующему стоящему в строю офицеру и молча протянул ему руку, и тот тоже после некоторого колебания молча подал ему руку. Тогда адмирал подошел к третьему офицеру и так далее, и всюду молча произошло то же самое. Так адмирал обошел всех офицеров и все они молча с колебанием обменялись с ним рукопожатиями и так непроизвольно получилось, что все молча как бы дали адмиралу свое согласие. Адмирал Эксельманс сам совершенно расстроенный, отбыл к себе. Что в эти часы и дни пережили в своих сердцах наши офицеры и мы все, что творилось в наших душах пером описать невозможно. Но конечно топить кораблей мы не могли потому что если бы это сделали — то это бы могло очень дурно отразиться на судьбе всей нашей проживающей во Франции эмиграции. Таково было мнение в наших кают-компаниях, где этот вопрос после признания Францией советской власти неоднократно обсуждался в нашем присутствии, так как мы гардемарины и кадеты, по мере окончания корпуса были списаны (т. е. переведены на эскадру) и приняты в офицерские кают-компании.

Вернувшись в свою резиденцию адмирал Эксельманс отправил телеграмму в Париж, в которой он представил своему начальству все, по его мнению, негативные стороны передачи советам нашей эскадры, а также дурное влияние которое эта передача произведет на туземное население — но если правительство вопреки его доводам, останется при своем решении — то он просит, чтобы не ему была поручена передача русских кораблей советам. — В ответ на это адмирал получил предложение подать в отставку.

На другой день — 16/29 октября 1924 г. в 17 час. 25 минут флаги на русских военных кораблях были спущены ПО СИГНАЛУ РУССКОГО АДМИРАЛА с церемонией установленной уставом Флота для спуска флага по окончании компании...

С «Генерал Алексеева» были видны на всех кораблях малочисленные цепи офицеров и чинов флота в парадных формах (какие конечно у кого были) но со всеми знаками отличия, выстроившимися вдоль бортов на корме вблизи флаг-штоков с Андреевскими флагами, последние минуты еще реявшими

над нашими судами. Раздалась команда: «На флаг и Гюйс смирно!» и через минуту «Флаг и Гюйс спустить» и видно было как на всех кораблях флаги очень медленно стали спускаться... Оркестра конечно уже не было давно. На «Генерале Алексееве» горнист стал играть сигнал «Спуск флага...» Но первая спазма свела мускулы горла и он не был в состоянии докончить сигнала... Флаг спустили до вышины человеческого роста чтобы все присутствующие, подходившие по старшинству, могли поцеловать его.

В 12 часов ночи того же дня были спущены адмиралтейский флаг, на флагманском корабле, и вымпела со стенег, на всех кораблях. Так был спущен исторический Андреевский флаг данный Русскому Флоту императором Петром Великим в 1703 году после занятия русскими силами устьев Невы.

5 Августа 1716 года у острова Борнгольм, где собрались эскадры четырех морских держав: русская в 22 вымпела, английская, голландская и датская произошло торжественное признание Андреевского флага. В полдень этого дня Император Петр Первый поднял свой штандарт которому и был произведен салют со всех кораблей и со всех эскадр.

Факт производства салюта английскими кораблями и кораблями других наций означает на языке международных морских традиций — признание Андреевского флага как символа морской мощи (Российской Империи) России, но для нас русских моряков и тех кто мечтал ими стать это не просто флаг (каких много). Это наше знамя, это Крест Святого Апостола Андрея Первозванного — брата Апостола Петра — пророчески водрузившего крест на Киевских холмах, тем самым означив, что здесь засияет Свет Христов. Этот флаг победоносно реял над Русскими кораблями при славных победах при Гангуте, Синопе, Наварине и других. Под ним наши предки сражались и гибли за честь его. Геройский крейсер «Варяг», принявший неравный бой со всей японской эскадрой. И этот флаг был спущен.

Это был конец, верим, временный, нашего национального флота.

Так было 52 года тому назад...

С тех пор нигде ни в каком порту, море, океане никто не видал Андреевского Флага. Он хранится под образами в рассеяниях русской морской национальной семьи по всему миру как эмблема высшей ценности, высшей морали — служения России всей в целом, а не какой то партии.

ЭПИЛОГ

Прошло около недели со дня спуска флага и опальный адмирал, здавший свои обязанности, покидал Бизерту.

Не крейсер был ему предоставлен для возвращения во Францию, как полагается адмиралу занимавшему такой высокий пост — он уезжал на небольшом пассажирском пароходике, регулярно совершавшем рейсы между Бизертой и Марселем, уезжал в штатском, как обыкновенный обыватель. Никаких почестей со стороны французских властей оказано не было, но зато вся русская колония Бизерты была на пристани. Все пришли проводить адмирала пожертвовавшего своею карьерой ради русского дела.

Он был уже на корабле, когда среди его провожавших он узнал адмирала Беренса тоже в штатском. Адмирал Эксельманс сейчас же спустился по трапу на пристань. Оба адмирала крепко пожали друг другу руки. Адмирал Беренс протянул адмиралу Эксельмансу связку ленточек (которые матросы носят на фуражке с названием своего корабля). В этой связке были ленточки всех кораблей, входивших в состав эскадры, которой командовал адмирал Беренс. Протягивая эту связку адм. Эксельмансу адмирал Беренс сказал: «Вот это все, что у меня осталось от моей эскадры». Оба адмирала обнялись и расцеловались. Генеральша Завалишина, супруга ген. Завалишина (начальника строевой части, вступившего на этот пост после отъезда кап. 1-го ранга Китицына) преподнесла адмиралу букет полевых цветов, прося передать его этот букет супруге.

Через несколько лет, когда казачий хор Кострюкова гастролировал по Франции, в одном из городов Бретани по окончании концерта дирижер хора был вызван одним из слушателей, который оказался адмиралом Эксельмансом. Адмирал задал дирижеру вопрос: «Среди ваших певчих казаков нет ли кого из моряков?»Выяснилось что их было двое. Это были два гардемарина бывшие в Бизерте еще в самой младшей из кадетских рот в последнем выпуске и произведенные в гардемарины при конце корпуса, т. е. в мае 1925 года. Адмирал Эксельманс тут же пригласил их к себе в имение где исключительно радушно принял и они прогостили у него два дня. В беседах с ними адмирал вспоминал свой отъезд из Бизерты в 1924 году и как все русские его сердечно провожали и как адми-

рал Беренс поднес ему в подарок то что для него оставалось самого дорогого — ленточки с названием кораблей его эскадры, а генеральша Завалишина букет полевых цветов и тут выяснилось, что один из присутствовавших гостей был сыном генеральши Завалишиной. Это открытие создало еще более сердечную атмосферу.

КОНЕЦ КОРПУСА

В начале Октября 1924 года очередная старшая кадетская рота, получив производство в гардемарины была распределена на кораблях эскадры. Это была последняя так как в конце того же месяца, французское правительство признало советскую власть, как уже было сказано, поставив нас в трудное положение. Но в конечном результате все разрешилось в нашу пользу так как оставшимся кадетам еще в Корпусе была дана возможность закончить образование с производством в гардемарины. Возможно, что в этом помогло и обычное расположение к нам Морских Префектов бизертской военной базы и то, что наши воспитанники Корпуса всегда имели подтянутый вид, отдавали честь, встречая в городе французских офицеров.

Когда менялись адмиралы на посту Морского префекта то каждый из них делал визит Корпусу, где его встречали французским гимном, затем батальон проходил церемониальным маршем. Сменивший вице-адмирала Эксельманса на посту префекта контр-адмирал Гранклеман прибыл в Корпус с визитом и, встреченный со всеми почестями полагавшимися по церемониалу, обратился к нам со словами: «Дорогие друзья, вы знаете о присутствии в Бизерте советской военной миссии и я обращаюсь к вам с просьбой не устраивать никаких эксцессов. Пусть ваш белый погон останется чистым и незапятнанным и я надеюсь на ваше честное слово». Слово было дано, и за все время пребывания в Бизерте советской миссии почти все кадеты увольнялись по субботам и воскресениям в город, упорно разгуливая с белыми погонами, украшенными вензелями «А» с короной (Наследника Цесаревича Морской Кадетский Корпус), около гостиницы «Гранд Отель» где помещалась советская миссия. Наше начальство сперва удивлялось массовым просьбам кадет об отпуске, а затем быстро нашло причину. Уже в штатской жизни мой отделенный начальник

выразился: «Хитро придумали, слово сдержали и чистоту погона сохранили».

Конечно оставшиеся в Корпусе кадеты в составе 2-х рот, очень малой численности, не могли занимать и Форт Джебель Кебир и лагерь Сфаят. Начальство постановило оставить форт. Мы стали по новому устраивать нашу жизнь в лагере Сфаяте. В один из бараков перенесли нашу церковь и снова заняли свое место у амвона наши знамена. Роты разместились в двух бараках с расчетом что половина каждого была разделена, одна часть служила дортуаром а вторая классной комнатой и в то же время столовым залом. Но жизнь шла по прежнему. Каждое утро строевые занятия, несмотря на переменившееся политическое положение винтовки нам были оставлены. Мы ни одной минуты не были лишены оружия, а это могло произойти, но это нас миновало.

6/19 ноября 1924 года последний в стенах Корпуса праздник. На традиционный обед с гусем приехали из лагерей все офицеры, бывшие воспитанники Морского Корпуса, приехали в штатском, но у каждого был пакет в котором был китель и кортик, и церковь и столовый зал приобрели всю свою торжественность, положенную этому дню. В виду траура, который мы носили в душе по спущенному Андреевскому флагу в октябре и передаче наших судов под охрану французам, традиционный бал был отменен. И потекла наша жизнь под знаком «последняя». Мы шли к последним дням пребывания в Корпусе. Занятия шли усиленным порядком и даже часть программы была сокращена.

Последним днем классных занятий было назначено 1-ое мая 1925 года. Всех преподавателей на руках отнесли домой. Но когда же производство? В воскресение 3-го мая после Богослужения роты были выстроены около церковного помещения. К нам вышел директор Вице-Адмирал Герасимов, поздоровался с ротами — нас очень удивило что адъютант Корпуса его не сопровождал. Вдруг адмирал позвал «Лейтенант Леммлеин» и из группы офицеров вышел адъютант Корпуса с огромной пачкой приказов в руках. Приказ о нашем производстве в гардемарины был прочтен перед фронтом и затем каждому из нас выдана его копия.

Адмирал поздравил нас с производством и произнес прощальное слово, желая всем нам успеха в жизни и сожалея, что мы выходим из Корпуса не на корабли, как следовало бы

нормально, но просил не забывать Русский Морской Корпус, в котором нас воспитали и дали образование, и дали каждому воспитаннику как жизненные принципы так и традиции. С гордостью мы можем сказать, что его заветы нами не забыты. С приказом под погоном, по традиции мы проходим перед нашим адмиралом последним церемониальным маршем и после команды «разойтись» быстро белые погоны кадет заменены были гардемаринскими, с золотым галуном и якорем.

В столовом зале обедала 3-го мая уже не старшая кадетская рота, а гардемаринская и радость наша была частично огорчена, так как некому было показать новую форму. Эскадры ведь больше не было, родители остались в далекой России. У некоторых из нас есть недалеко кое-какие родственники и их адреса раздавались товарищам на всякий случай. Мы обмениваемся своими планами на будущее, кто мечтает об университете, кто просто о будущей спокойной жизни.

Заканчивая наше повествование, мы хотим сказать всем бывшим воспитанникам Кадетских Корпусов, кончившим их заграницей о том, что мы гардемарины Морского Корпуса в Бизерте сохранили свою морскую традицию — Один за всех и все за одного, больше полустолетия и всегда в трудные годы жизни (а у кого их не было?) как в строю чувствовался локоть соседа. Эта дружба превратилась как бы в братство, несмотря на нашу разбросанность по всем странам мира. Бывает что мы десятками лет не видимся между собой, а при случайной встрече чувствуем, что расстались как будто вчера. Ведь каждое 6/19 ноября праздник Морского Корпуса «Птенцы Гнезда Петрова» слетаются в те города где существуют морские собрания. Сначала в церкви, по окончании литургии, служится торжественный молебен Св. Павлу Исповеднику, нашему небесному покровителю с многолетием и с провозглашением в конце «Вечной памяти» всем почившим морякам, а затем отправляются на традиционный обед с гусем.

В Париже этот торжественный обед происходит в Морском Собрании, стены которого буквально покрыты реликвиями, портретами членов императорского дома, портретами знаменитых адмиралов и батальными картинами.

Нужно сказать, что наше корпусное начальство позаботилось о нас, к нашему уходу в так называемой «Дамской мастерской» были сшиты всем нам из французского казенного сукна штатские костюмы, были выданы паспорта на свобод-

ный въезд во Францию до Марселя и полутарифный до Парижа как и даровые билеты на пароход, да еще 200 франков из казны Корпуса, по тем временам сумма весьма значительная.

И вот 5-го мая садимся за последний обед в стенах Корпуса, но разлука еще не чувствуется, т. к. мы отправляемся на пароход большой группой. Провожают нас Адмирал-Директор с оставшимися офицерами и вот на пристани появляется Морской Префект, в то время Вице-Адмирал Жеэн. Вызвав старшину нашей группы, он представляет его капитану парохода и объясняет кто мы такие. По выходе из порта к нам подходит офицер и сообщает о том, что мы будем получать продовольствие по 3-му классу, хотя мы пассажиры 4-го класса, т.е. палубные без права на пищу, а также сможем располагаться где хотим и даже осмотреть машины и прочее.

Пока на пароходе, оторванность от старого нами еще не ощущалась, но мы сильно ее почувствовали прибыв в Марсель, когда мы устроили в зале одного из ресторанов прощальный обед. Мы ведь расставались несомненно на многие годы, а возможно и навсегда. Многие из нас ехали в разные страны, другие в разные города Франции, и у нас у всех было тяжело на душе.

Мы расставались, но каждый из нас чувствовал, что годы проведенные вместе, как и все вместе пережитое под сенью Андреевского Флага, соединили нас крепким звеном — любовью к утраченной, но отнюдь не потерянной Родине. Можно сказать, что мы уходили в неизвестность, неся в душе дорогой нам, Андреевский Флаг.

Спасибо Тебе за все что Ты нам дал Дорогой Корпус.

Память наша о Тебе вечна.

Не все воспитанники русских кадетских корпусов имели это счастье.

50 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД *

В 1925/26 учебном году я был в 8-ом классе и следовательно в Первой роте Русского Кадетского Корпуса в г. Сараево.

В то время на вечернюю перекличку и молитву роты строились в своих коридорах и Директор Корпуса довольно часто присутствовал на молитве, подходя обыкновенно к концу переклички.

Прослушав с ротой молитву, генерал Адамович обыкновенно желал III и II ротам: «Спокойной ночи, кадеты!», первой же роте: «Спокойной ночи, Господа!», на что рота отвечала: «П'КОРН'ДАРИМВАШДЗИСТ», что в переводе, для непосвященных, означало: «Покорно благодарим Ваше Превосходительство!»

В один из зимних вечеров 1925 г. Первая рота была несколько удивлена тем, что Директор Корпуса подошел к роте одновременно с сигналом, до начала ее построения, и стал около ее правого фланга.

По окончании сигнала все, казалось, шло нормально: обычные команды фельдфебеля, строящего роту, команда приветствия присутствующему Директору Корпуса, его короткое замечание: «Продолжайте», перекличка и... чтение приказа по Корпусу...

Протекшие 50 лет изгладили из моей памяти число и полное содержание приказа, но сущность его и последние фразы глубоко врезались в память.

После обычного заглавия, номера приказа и т. д. следовало: ...Державная Комиссия по защите интересов русских беженцев, на своем заседании от такого-то числа, за номером таким-то постановила переименовать Корпуса в «Военно-учебные гимназии», с подразделением их на возрасты: «Младший возраст», «Средний возраст» и «Старший возраст»...

Рота остолбенела... После небольшой тягостной паузы, без исчезнувшей куда-то, обычной самоуверенности, фельдфебель как-то нерешительно, проглотив слюну, скорей сказал, чем скомандовал: «На молитву», которую рота пропела как в летаргии.

---

* Знаменательный эпизод или иллюстрация к протесту А. Росселевича о желании покойного генерала Адамовича сделать из Корпуса подобие "военной гимназии" (Кадетская Перекличка № 13, 66-ая страница, первый параграф).

Наступившую, не гробовую, а мертвую — абсолютную тишину разрезал четкий звон шпор. Генерал Адамович вышел на середину строя роты и вместо обычного: «Спокойной ночи, Господа!», отчетливо и звонко, почти что выкрикнул:

«Спокойной ночи, ПЕРВАЯ РОТА!» Рота ответила, как наверное никогда никому не отвечала!

Под дикое «Ура», близь стоявшие подхватили на руки и бегом, в сопровождении всей роты, понесли генерала Адамовича к его кабинету. Долго в эту ночь не могли мы заснуть...

На следующий день, старшим стало известно, что Директор Корпуса с вечерним поездом едет в Белград на аудиенцию к Королю Александру, пользуясь известной привилегией, которую, в отношении доступа к Королю, давал генералу Адамовичу нашейный орден Югославянского Белого Орла.

У кадет возник вопрос. Как выразить Директору Корпуса их благодарность и пожелать ему успеха в достижении, известной нам цели его поездки? После небольшого совещания вопрос был решен.

К вечернему поезду Директор должен выехать из Корпуса около половины шестого, т. е. во время «вечерних занятий». Старшие кадеты настоятельно попросили дежурных офицеров и воспитателей не выходить из «дежурок» и классов на время «вечерних занятий» и не обращать внимания на число отсутствующих.

С начала «вечерних занятий» музыканты «выкрали» духовые инструменты и бесшумно построились, в темноте, на плацу между дверью, из которой должен выйти Директор, и выходными воротами. Изрядно промерзли за время небольшого, но показавшегося нам бесконечным, ожидания, дверь наконец открылась. Директор вышел на плац и в этот момент оркестр грянул: «Наш Полк!»... От неожиданности генерал Адамович задержался на секунду, осмотрелся, затем приложил руку к козырьку и молча, под звуки марша, прошел к выходу.

Югословянские, караульные солдаты у ворот спрашивали потом: почему «Господин Дженерал», выходя из Корпуса, вытерал слезы?

Генерал Адамович вернулся из Белграда через 3-4 дня и Корпус остался Корпусом, а Роты — Ротами!

За исключением нескольких безнадежных случаев, генералу Адамовичу удалось вывести вверенных ему кадет в люди,

что и было одной из главных его целей и за что бывшие его воспитанники должны быть ему по гроб благодарны, а «Когда лес рубят — щепки летят»...

VI вып. Рус. Кад. Кор.
Михаил Казанович

ПАМЯТИ КОКИ ЦАБЕЛЯ

Скорлупка сброшена земная;
Душа летит на Божий Суд...
На жизнь в чертогах светлых рая
Такую душу обрекут!

Во тьме земных дорог неровных
Его провел душевный свет,
Не знало сердце мыслей злобных,
Он другом был — каких уж нет...

В потоках личностей стандартных,
Такие — как в буран огни!
Так утонченно деликатных
Не часто встретишь в наши дни...

Всегда любезный и тактичный, —
В корректности он был педант!
Он был бы, в прошлом, безупречный
Дворцовый флигель-адъютант..

Такие в наши годы редки;
Их нет среди грядущих смен.
Такими часто были предки —
С заглавной буквы — Джентльмен!

11 Февраля 1976 г.
Лос Анжелес.

Игорь Автамонов

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА И ДРУГА-КАДЕТА.

"...До встречи уже недалекой."

3 декабря 1975 года, в Буэнос Айресе, после непродолжительной болезни скончался

Всеволод Сергеевич БАЗАРЕВИЧ,

коренной кадет 10 выпуска Первого Русского Вел. Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса.

Покойный родился 28. 12. 1910 в г. Двинске в семье полковника Инж. Войск Сергея Иосифовича Базаревича, бывшего известное время преподавателем в Крымском Кад. Корпусе.

После эвакуации из Новороссийска, по прибытии в Югославию в 1921 году поступил в 1-й Русский кад. корпус, который окончил в 1930 г. получивши стипендию в г. Лувен в Бельгии. По состоянию своего здоровья через два года вернулся в Белград, где и окончил технический факультет, получивши диплом инж. технолога. По окончании университета поступил инженером на Военно-технический завод в г. ачке, где прослужил до начала войны и оккупации Сербии в 1941.

В октябре 1941 года, не по своему желанию, попал на работы в Германию, где проработал до конца войны. После войны, в 1945 г. Сева, вместе с семьей очутился в Бельгии, где я с ним встретился. В Бельгии пришлось ему работать по всем специальностям: фотографом, электротехником, инженером и т. д. Нельзя было пожаловаться на пребывание в Бельгии, но

для постоянного места жительства лучше было перекочевать «подальше», пока ИРО оплачивало дорогу, и в 1948 г. вся семья Базаревич перебралась в Аргентину. Здесь Сева нашел себе применение в разных предприятиях, по своей специальности и проработал до конца 1968 г. когда вышел на пенсию по болезни.

Потеряв родину, находясь в третий раз в эмиграции, понятно, что все мы устремляем все внимание на своих детей. Семья Базаревич сосредоточила свое внимание и любовь на единственной дочери Машеньке, которая по своим качествам должна была быть утешением и радостью родителей. Но неожиданная болезнь и смерть дочери в 1966, а почти одновременная смерть брата Севы, отразились на его здоровьи, не дали ему помириться с ударами судьбы и привели его к преждевременной кончине, несмотря на все заботы его супруги, Татьяны Николаевны, делавшей все возможное чтобы восстановить здоровье мужа.

Сева Базаревич был одним из основателей О.К.О. в Аргентине, долгое время был членом правления и одно время, около двух лет, был секретарем правления.

Хороший товарищ и друг, с которым я провел восемь лет в корпусе в одном классе, был он также большой русский патриот, честный, порядочный и религиозный человек.

Похоронен В. С. Базаревич на Английском кладбище в Б. Айресе в семейной гробнице. На отпевании и похоронах присутствовали председатель О.К.О. в Аргентине С. А. Якимович с другими однокашниками и много друзей покойного — русских и аргентинцев.

В связи с трауром по почившим однокашникам, ежегодная кадетская встреча 21. 12. 1975 г. ограничилась только молебном и поминовением ушедших в лучший мир. Еще раз кадетский хор пропел «Вечную память» дорогим, ушедшим в вечную жизнь, нашим кадетам.

От лица всех наших кадет выражаю самое искреннее и сердечное соболезнование верной жизненной спутнице Севы Базаревича — его супруге Татьяне Николаевне, которая несмотря на недавнюю потерю своего брата, в. у. о. нашего 10 выпуска Н. Н. Воропонова, с такой глубокой христианской стойкостью переносит свое горе.

Да будет тебе, дорогой Сева, легка дружеская, но все же не своя родная, аргентинская земля. А в наших кадетских сердцах мы сохраним о тебе светлую память до уже недалекой... там... встречи всего нашего 10 выпуска, и тесно сомкнем мы снова наши ряды.

Владимир Нащокин
Кадет 10 вып. 1-го Русского Великого Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса.

16 апреля 1976 года, в Аргентине скоропостижно скончался подполковник Марковской Артиллерийской Бригады

Владимир Рудольфович БАУМАН.

Покойный окончил Михайловский Воронежский Кад. Корпус и в 1912 году поступил в Константиновское Артиллерийское училище будучи выпущен в сентябре 1914 года в чине подпоручика в Действующую Армию. Всю Первую мировую войну и гражданскую войну провел в строю, на фронте.

В Аргентине состоял в Обще Кадетском Объединении, не пропуская никогда ни одной Кадетской встречи.

Правление О.К.О. в Аргентине выражает свое глубокое и искреннее соболезнование вдове, сыну и родственникам покойного.

28 апреля 1976 года, после непродолжительной и тяжкой болезни скончался в местечке Алта Грасия близ Кордобы (Аргентина) полковник инженерных войск Русской Армии, участник великой и гражданской войн,

АНДРЕЙ АНДРЕЕВИЧ САГАЙДОВСКИЙ,

воспитанник 2-го Оренбургского кад. Корпуса, 16 вып. (1909 года).

Правление О.К.О. в Аргентине выражает свое глубокое соболезнование вдове, дочери и зятю покойного.

ВСЕВОЛОД ВЛАДИМИРОВИЧ ЮРГЕНС

Почетный председатель О.К.О. в Аргентине.

7 декабря 1975 года, после непродолжительной но тяжкой болезни тихо скончался в возрасте 73 лет Всеволод Владимирович Юргенс — почетный председатель О.К.О. в Аргентине.

Сын гвардейского офицера, воспитанный в духе лучших военных традиций, покойный в 1911 году поступил во 2-ой Кадетский Императора Петра Великого Корпус, оставаясь в нем до 1917 года, когда перешел в Петровский Полтавский кад. корпус, который и окончил в 1918 году. По окончании корпуса поступил в Добровольческую Армию — Л. Гв. 3-й Стрелковой Полк, в котором в мирное время служил его отец. В рядах полка проделал весь страдный путь от Дона и Кубани — до Галлиполи и Болгарии. За боевые отличия в 1919 году был произведен

в чин подпоручика. В эмиграции жил, учился и работал в Болгарии, Чехословакии, Франции и с 1949 года в Аргентине, где в 1968 году вышел на пенсию. Всегда принимая живое участие в жизни О.К.О. в Аргентине, согласился в 1963 году принять на себя тяжелую обязанность Председателя Объединения, в момент, когда в О.К.О. наступил кризис, грозивший дальнейшему существованию Объединения. Оставаясь на этом посту в течение полных 10 лет, Всеволод Владимирович ушел с него только тогда, когда состояние его здоровья принудило его к тому. На Общем собрании в 1973 году он был выбран единогласно пожизненным почетным председателем О.К.О. в Аргентине, продолжая принимать самое живое участие в жизни и деятельности Объединения.

Прекрасно воспитанный, корректнейший и порядочнейший во всех отношениях человек, отличный товарищ, «кадет» в лучшем смысле этого слова, Всеволод Владимирович пользовался любовью и уважением не только своих однокашников, но и всех его знавших. В 1966 году, после тяжелой операции, я, в течение 6 недель был прикован к кровати. Всеволод Владимирович, сам в то время ходивший опираясь на палочку, неизменно посещал меня два-три раза в неделю. А ведь на дорогу, в один конец, ему надо было не меньше двух часов поездки в плохих местных автобусах.

Всюду и всегда он проявлял заботу и отзывчивость в отношении оказавшихся в беде и нужде однокашников.

Не имея возможности в последнее время, по состоянию своего здоровья, ездить далеко на заседания правления О.К.О., он просил устраивать их у него дома. В последние часы своей жизни, он беспокоился о том, что болезнь помешает ему принять участие в устройстве декабрьской кадетской встречи.

Проводить Всеволода Владимировича в вечный путь собрались многочисленные друзья покойного. Пел хор кафедрального собора. Среди множества венков, были венки от О.К.О. и от Объединения Институток в Аргентине.

Дорогой друг, однокашник и соратник! Двадцатилетняя дружба и совместная работа на «кадетской ниве» крепко нас связывала и твой уход из этой жизни, как для меня так и

для О.К.О. является тяжелым ударом и невозместимой утратой.

Пусть же тебе будет пухом земля страны, в которой ты закончил свой жизненный путь, а между нами тебе вечная память.

Твоей супруге, Надежде Сергеевне наше глубокое соболезнование.

С. А. Якимович
Председатель О.К.О. в Аргентине

---

3 августа 1975 г. умер коренной кадет Одесского Корпуса

НИКОЛАЙ КОССОВИЧ

В 1920 г., с частью кадет Одесского и Киевского Корпусов, на пароходе «Рио Негро», эвакуировался из Одессы в Солоники, и оттуда в СХС (Югославию). Окончив 1-й выпуск 1-го Рус. Кад. Корпуса в г. Сараево, со многими кадетами своего выпуска, вернулся в Крым, где боролся в рядах Добровольческой Армии, с которой эвакуировался в Галлиполи. Был ранен и награждне Георгиевским крестом 4-й степени.

Приехав в Бразилию после 2-й мировой войны, работал как маляр, подрядчиком. В ОКО состоял с начала его организации. Верный кадетской Семье, всегда спокойный, выдержанный, он был любим и уважаемый всеми кто его знал. В конце 1974 г. его парализовало и недуг приковал к постели. Кадетская Семья как в Бразилии, так и в Нью-Йорке, не оставила в беде своего однокашника, облегчая морально и материально его тяжелое положение.

4 августа 1975 г., при множестве друзей и знакомых, тело героя-Кадета было опущено в кадетский склеп, под сенью Двуглавого Орла.

Спи дорогой Друг-Однокашник. Да упокоит Господь Твою светлую Душу в Селениях Праведных.

От лица кадет в Бразилии, *А. Политанский.*

[illegible] by "Monastery Press", 8011 Champagneur Ave., Montreal, Que. Canada